

500 ВЕЛИКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ

500 великих

Андрей Низовский

500 великих путешествий

«ВЕЧЕ»

2013

Низовский А. Ю.

500 великих путешествий / А. Ю. Низовский — «ВЕЧЕ»,
2013 — (500 великих)

Стремление к поиску неведомых земель и исследованию дальних стран, наверное, присуще человечеству со времен его зарождения. Во все времена находились люди, бросающие вызов неизведанному и смело отправлявшиеся навстречу приключениям и опасностям. Книга, продолжающая популярную серию «500 великих», рассказывает об удивительных судьбах и открытиях великих путешественников и землепроходцев – от древности до наших дней. Читатель встретит среди героев книги Марко Поло и Ибн-Баттуту, Афанасия Никитина и Эрнана Кортеса, Витуса Беринга и Семенова-Тян-Шанского, Николая Пржевальского и Миклухо-Маклая, Роберта Пири и Руала Амундсена.

© Низовский А. Ю., 2013

© ВЕЧЕ, 2013

Содержание

Легенды, ставшие реальностью...	6
Вслед за аргонавтами	6
По следам Одиссея	10
Дорогой Энея	13
Вокруг «Ливии»	15
Через Атлантику со Святым Бренданом	17
Восьмое путешествие Синдбада	20
«Хокулеа» идет по следам предков	24
...И реальность, ставшая легендой	28
Хирхуф открывает Нубию	28
Корабли идут в Пунт	30
Станный отчет царевича Сатаспа	33
За Геркулесовыми Столбами	36
Аристей у исседонов	37
Загадочный Эвтимен	40
Плавание Ганнона к «Колеснице богов»	42
Гимилькон в Атлантике	47
Путешествие Пифея-лжеца	48
«Оранг малайу» – морские кочевники	51
Павлины в Вавилоне, или Древние индийские мореходы на	55
Великой муссонной дороге	
«Карийский капитан» Скилак	57
Неарх идет на запад	59
Плавание Евдокса	61
Путешествие в страну Агасимба	65
«И Туле не будет пределом земли...»	66
Открытие Эллады	68
По поверхности плоской земли	69
Путешественники из поднебесной	71
Кенгуру при дворе китайского императора	71
Плавание к острову Бессмертных	73
Странствия Сыма Цяня	75
Тридцатилетняя одиссея Бань Чао	77
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Андрей Низовский

500 великих путешествий

©Низовский А.Ю., 2013

©ООО «Издательский дом «Вече», 2013

©ООО «Издательство «Вече», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Легенды, ставшие реальностью...

Вслед за аргонавтами

...Отправляя в далекое и опасное путешествие отважного Ясона, жестокий узурпатор Пелий рассчитывал таким образом избавиться от опасного соперника: Ясон, законный наследник царя Эсона, пользовался поддержкой граждан греческого города Иолк. Пелий поставил условие: прежде чем занять трон, Ясон должен был отправиться в далекую Колхиду и завладеть золотым руном. Это путешествие обещало быть очень опасным, и узурпатор в глубине души надеялся, что Ясон сгинет где-нибудь в пути. Но судьба распорядилась иначе.

Вокруг Ясона собралось множество героев – знаменитый Тесей, победитель Минотавра; неразлучные братья Кастор и Полидевк; легендарный охотник Мелеагр из Калидона; крылатые Калаид и Зет – сыновья бога ветров Борея; могучие богатыри Анкей, Адмет, Теламон, великий певец Орфей. Даже величайший из греческих героев, Геракл, согласился принять участие в походе. А опытный и умелый кораблестроитель Арг построил для Ясона и его спутников корабль. Корабль получил название «Арго», а герои, принявшие участие в походе, по его имени стали зваться аргонавтами.

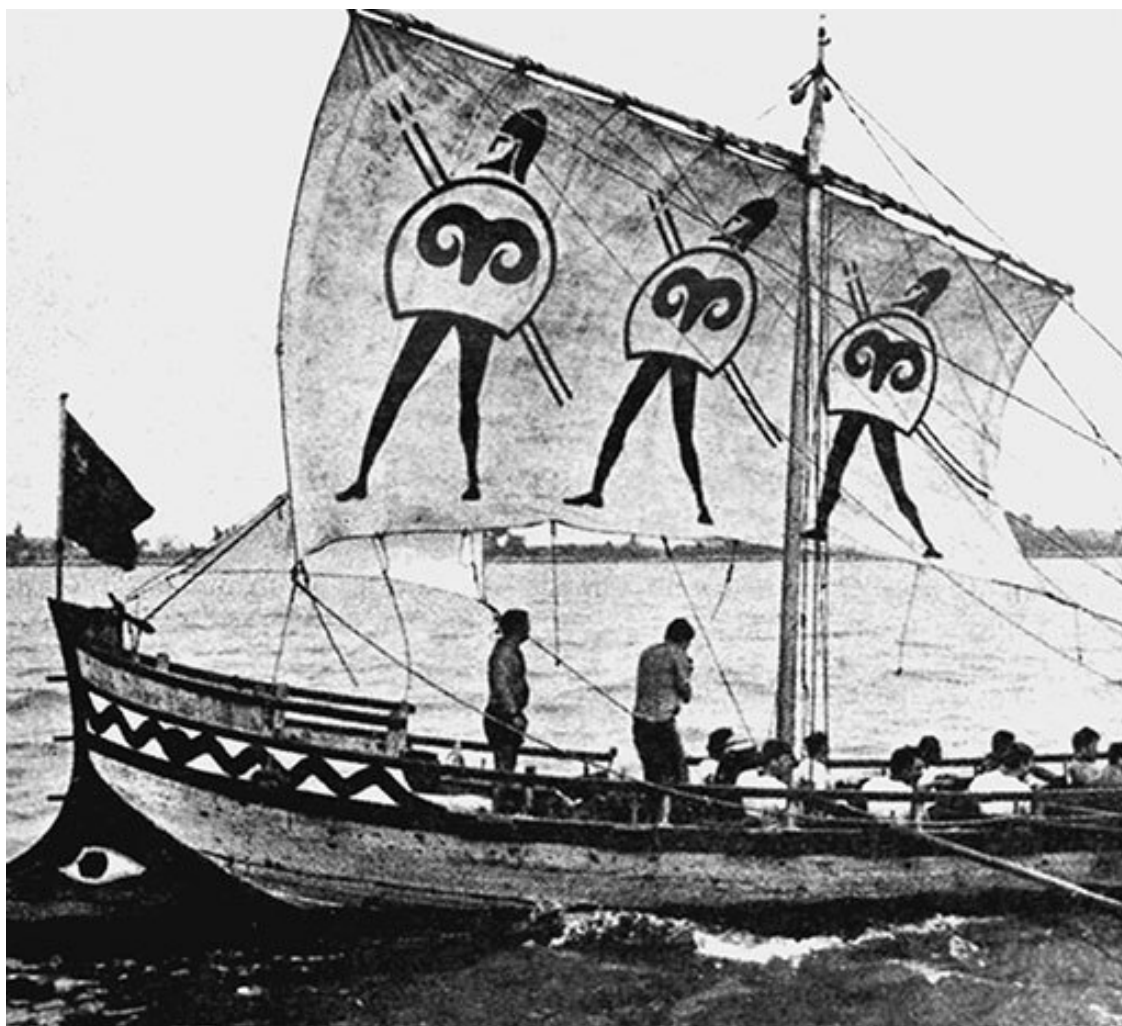
Ясон и аргонавты

На пути к Колхиде Ясон и его товарищи преодолели множество препятствий. На побережье Малой Азии им встретились шестирукие великаны, бросавшие в корабль огромные камни, а для того, чтобы попасть в Черное море, аргонавтам пришлось миновать опасные скалы Симплегады. Они находились в постоянном движении – то расходились, то сходились вновь, ударяясь друг о друга со страшным грохотом. Но «Арго» благополучно миновал и это препятствие, лишь конец руля раздробили сомкнувшиеся за его кормой скалы...

Достигнув Колхиды, аргонавты при помощи царевны Медеи, полюбившей Ясона, завладели золотым руном. Назад они возвращались через Дунай, поднявшись вверх по течению великой реки и там по одному из ее рукавов спустившись в Адриатическое море. Огибая Балканский полуостров, аргонавты побывали на острове волшебницы Цирцеи, благополучно прошли между Сциллой и Харибдой, миновали остров сирен, чары которых преодолел своей песней Орфей, проплыли через узкий пролив Планкты, под сводами огромных утесов, где волны кружились в исполинском водовороте, порой вздымаясь до верхушек скал... Когда вдали уже показались берега Пелопоннеса, «Арго» подхватил небывалой силы вихрь. Он долго нес корабль по безбрежному морю и наконец выбросил его на побережье жаркой Ливии (так в

древности именовалось побережье Северной Африки к западу от Египта). Двенадцать дней на своих плечах несли аргонавты корабль через знойную пустыню, изнемогая от жары и жажды. Наконец они достигли страны гесперид. Здесь герои запаслись водой, провизией и вышли в открытое море. Пережив еще ряд приключений, они в итоге благополучно дошли до гавани Иолка...

Ирландец Тим Северин многие годы занимался историческими реконструкциями древних морских путей различных народов. Одним из его предприятий стало путешествие в 1984–1985 гг. на точной копии древнегреческого судна по маршруту аргонавтов. Тим Северин назвал свой корабль «Арго» – точно так же, как назывался корабль Ясона и его друзей.

«Арго» Тима Северина

Ученые уже давно рассматривают миф об аргонавтах как вполне достоверный рассказ о греческих путешественниках – скорее всего, о тех, кто впервые вышел в Черное море. С течением времени легенда о Ясоне обросла различными подробностями и претерпела множество трансформаций, в нее вплелись и мотивы, связанные со странствиями Одиссея, и сюжеты, повествующие о подвигах других мореплавателей древности, ходивших и к берегам Северной Африки, и в Адриатику. Таким образом, повесть об аргонавтах стала своеобразным сводом легенд о первых мореходах, отправившихся покорять далекие моря, а корабль Ясона «Арго» вплоть до конца античных времен считался «первым плавающим кораблем» в мире. Сегодня исследователи склоняются к мысли, что он принадлежал к типу 20-весельной эйкосоры. Это было быстроходное и довольно вместительное судно: кроме полусотни воинов (они же были и

гребцами) корабли подобного типа были способны перевозить пассажиров, съестные припасы, вооружение и даже жертвенных быков. Приспособленность эйкосоры к дальним плаваниям подтвердила экспедиция Тима Северина: его «Арго» с интернациональным экипажем продемонстрировал отличные мореходные данные и достиг берегов Колхиды – современной Грузии. Именно здесь, в бассейне реки Риони (Фазиса), в древности был распространен необычный метод промывки золота: бараньи шкуры погружали в проточную воду, чтобы несомые течением крупинки золота застревали в густой шерсти. Из этого обычая, по-видимому, и родился миф о золотом руне. И даже в кажущемся совсем уж фантастическим рассказе о пути, которым Ясон возвращался домой, очевидно, тоже есть доля истины. Чуть ли не со времен каменного века существовала торговая дорога, которая через Дунай и Саву вела к Адриатическому побережью. Тот, кто побывает в этих краях, может воочию увидеть остатки доисторического колесного волока на последнем отрезке пути – близ побережья Адриатики.

По следам Одиссея

Знаменитая «Одиссея», созданная около VII в. до н. э., считается одним из первых приключенческих романов в истории человечества. Ее автор, слепой певец Гомер, не только имел дар стихосложения, но и прекрасно разбирался в искусстве кораблевождения. Правда, некоторые исторические факты, приведенные в поэме, сомнительны, географические сведения – туманны. Тем не менее «Одиссея» является настоящей энциклопедией географических представлений древних греков.

Где побывал Одиссей во время своих странствований? Есть все основания предполагать, что в поэме описано реальное путешествие – одно или несколько – древних мореплавателей по Средиземному и Черному морям. Многие исследователи пытались вычертить его маршрут. Одной из наиболее разработанных и даже проверенных на собственном опыте является гипотеза известного ирландского путешественника и исследователя Тима Северина. Он попытался воспроизвести путешествие Одиссея, отправившись в плавание с командой из 13 человек на 18-метровой галере «Арго» – точной копии древнегреческого судна. По мнению Северина, Одиссей, отойдя от берегов Малой Азии, повел свои корабли на северо-запад вдоль побережья Фракии. Беды начались за мысом Малея, юго-восточным «клыком» Пелопоннеса – это последняя точка, до которой можно проследить его путь, опираясь на географические реалии, содержащиеся в тексте Гомера. От Малеи штормовые ветры помчали Одиссея на юг: «Девять дней гнали меня проклятые ветры через море, кишасшее рыбой. Но на десятый день прибыли мы в страну лотофагов». Десять дней – вполне реальный срок для того, чтобы при скорости от 1,5 до 2 узлов в час добраться от Пелопоннеса до побережья Киренаики, где большинство современных исследователей помещают страну лотофагов.

Штормовые ветры сбили Одиссея с курса, но при этом солнце, звезды и волнение на море указывали опытным мореплавателям направление дрейфа. Как только улучшилась погода, они могли проследовать тем же путем обратно до мыса Малея, как поступали позднее греческие мореплаватели, возвращаясь из Киренаики. Их путь лежал через остров Крит. Где-то на его побережье Одиссей и его спутники встретились с циклопами: в местном фольклоре до сих пор важное место занимают истории о великанах-людоедах. Впрочем, привязка к Криту вовсе не окончательна: по свидетельству Тима Северина, во многих уголках Эгейского моря и даже у берегов моря Черного местные жители, указывая на огромные валуны возле берега, говорили путешественнику: «Эти камни бросали циклопы в Одиссея». В Сугие, на южном берегу Крита, Тиму Северину показывали пещеру, связанную с легендами о циклопах. Она так и называется – пещера Циклопов. По преданию, великаны держали в ее подземных залах свои стада, насчитывавшие тысячи овец. Сходство пещеры с описанной Гомером поразило путешественника: «Огромный скальный обломок почти прикрывал вход. Сводчатая крыша высоко над головой была закопчена дымом бесчисленных пастушьих костров. Свежая вода капала с потолка в емкость, выдолбленную из полена, здесь также был выложенный из грубых камней загон, где доили овец».

Следующая остановка Одиссея была на острове Эола, повелителя ветров. По мнению Тима Северина, гомеровскому описанию этого острова более всего соответствует остров Грабуза в северо-западной оконечности Крита. Скалы здесь будто сложены человеческими руками, а лучи заходящего в море солнца придают им такой характерный сочный красно-коричневый оттенок, что можно вспомнить о бронзовой стене, опоясывающей остров, которую описывал Гомер. Древние греки называли этот остров Корикосом, что в переводе означает «кожаный мешок» – напоминание о подаренном Эолом Одиссею кожаном мешке с запакованными в него бурями.

Если, отправляясь отсюда, Одиссей избрал кратчайший путь домой, то он мог пойти только на север. Взяв курс к северу от Грабузы, «Арго» Тима Северина отыскал «бухту лестригонов». Как повествует Гомер, она представляла собой залив, закрытый со всех сторон сплошным кольцом обрывистых скал, а «при входе стояли друг против друга два утеса, оставляя лишь узкий пролив». Невдалеке от полуострова Мани команда Тима Северина обнаружила удивительный залив Мехалос. «Два скальных массива закрывали вход в округлый водоем, достаточно обширный, чтобы там поместились галеры Одиссея. Утесы метров 30 высотой злобеще нависали над ним... В самой бухте, казалось, не хватало воздуха – она была замкнутой, воздух над ней – душным и каким-то безжизненным...»

Вырвавшись из этой бухты, единственный корабль Одиссея, спасшийся от нападения лестригонов, достиг острова Эя, где обитала волшебница Цирцея. Ключом к разгадке тайны этого острова Северин считает эпизод, когда Цирцея посылает Одиссея и его товарищей в царство мертвых, к слепому прорицателю Тиресию. После дня плавания они попали в устье реки Ахерон. Там они высадились на берег и поднялись вверх по реке до ее слияния с реками Пирифлегетон – Рекой Пылающего Огня и Коцитом – Рекой Плача. Здесь у подножия огромной скалы Одиссей совершил жертвоприношение и беседовал с тенью Тиресия.

Цирцея указала Одиссею путь домой: вначале он должен был плыть до острова сирен, а затем либо идти через сходящиеся скалы, либо проскочить по узкому проливу между Сциллой и Харибдой. Говоря современным языком, волшебница давала указания Одиссею, как добраться до Итаки, минуя остров Лефкас, находящийся в 24 милях к югу от реки Ахерон. Первый вариант – плыть открытым морем мимо островка Сесула, который действительно напоминает сходящиеся скалы: он представляет собой утес, разделенный надвое вертикальной трещиной шириной примерно метра три, плоские стенки которой уходят под воду на глубину около 30 метров. Второй вариант пути – пробираться по узкому проливу между островом Лефкас и материком, мимо мыса Сцилла. Над проливом возвышается гора Лемия, что в переводе означает «чудовище», в ней же есть упомянутая в поэме пещера. Харибдой же может быть отмель с выходом скальных пород на поверхность, окруженная пенящимися бурунами.

Но где же тогда обитали сирены? По мнению Тима Северина – на северной оконечности острова Лефкас, там, где сейчас стоит небольшой городок Гираветра («Вращающиеся скалы»). На картах здесь обозначены три древних могильных холма, которые вполне можно ассоциировать со скопищем скелетов, описанным Гомером.

Далее Одиссей высадился на острове Тринакрия. Прототипом его мог послужить остров Меганиси: если приближаться к нему с севера, то можно увидеть три возвышенности, стоящие одна за другой. Где-то в этих местах корабль Одиссея разбило бурей, а самого путешественника течение выбросило на остров Огигия, где он семь лет провел в плену у нимфы Калипсо. Но на современных картах тоже существует остров Огигия, и, как считает Северин, нет никаких оснований отказывать ему в праве считаться тем самым «гомеровским» островом!

Одиссей на своём корабле

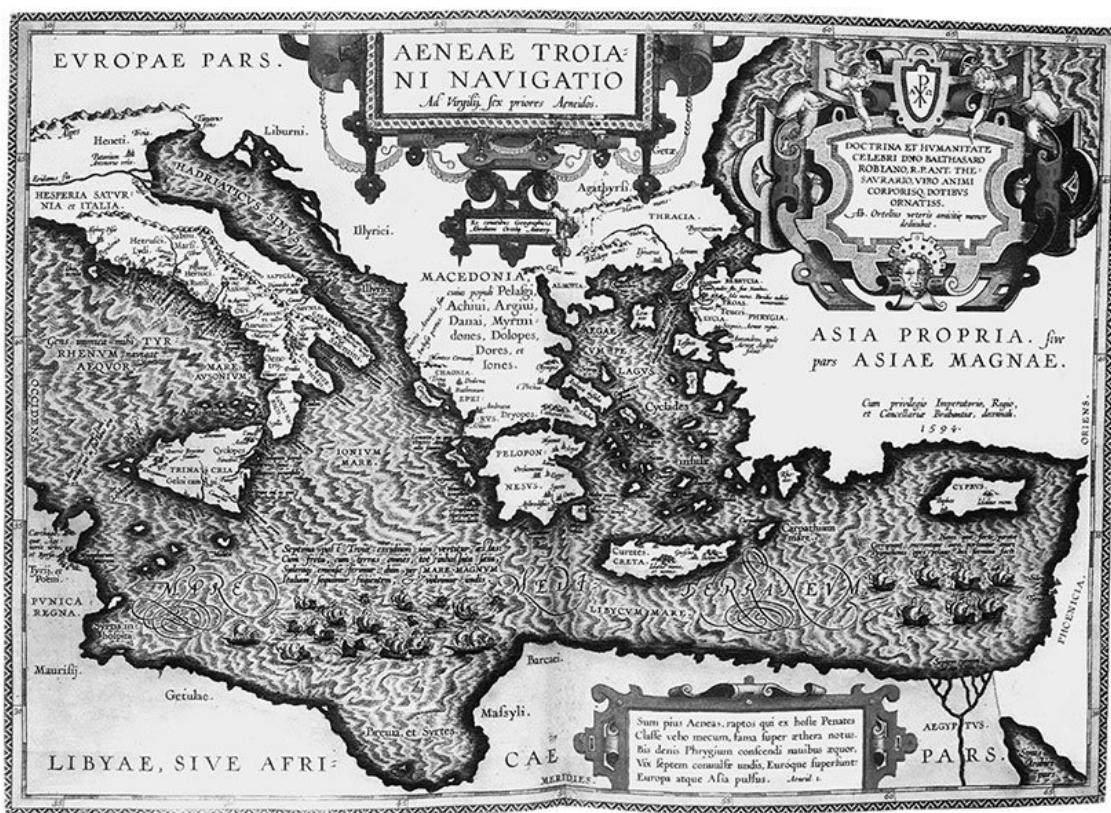
Царством феакийцев, являющимся следующим пунктом путешествия Одиссея, традиционно считается остров Корфу, и здесь Тим Северин не видит никаких других вариантов. А вот царство Одиссея, по его мнению, находилось не на Итаке, а на юго-западном побережье острова Корфу. Со всеми этими вводами можно соглашаться или не соглашаться, но как бы то ни было, реконструкция Тима Северина не просто создана умом ученого или прочувствована сердцем романтика, но и пройдена физически в условиях, приближенных к тем, в которые был поставлен Одиссей...

Дорогой Энея

Со Средиземным морем связаны многие морские эпопеи древности, как полуфантастические, так и вполне реальные. Великое путешествие совершил и Эней, один из главных защитников Трои, легендарный родоначальник Рима, которому посвящена «Энеида» Вергилия.

Вергилий начал свою «Энеиду» там, где Гомер закончил «Илиаду». В «Илиаде» Гомер называет Энея в числе славнейших троянских героев. Когда греки ворвались в Трою, Эней решил сражаться до последнего вздоха, но боги приказали ему покинуть обреченный город, чтобы отправиться на поиски новой родины, где Энею суждено стать основателем нового великого государства. Эней подчинился воле богов. Он собрал несколько десятков уцелевших троянцев, спешно снарядил двадцать кораблей и вышел в открытое море, не забыв в суматохе прихватить священные реликвии Трои. Согласно римской традиции это произошло в 1198 г. до н. э.

Эней решил довериться воле судьбы и плыть туда, куда несет их попутный ветер. Сперва они пристали к берегам Фракии, затем остановились у острова Делос, где находился оракул Аполлона. Эней обратился к оракулу с вопросом: «О, мудрый Аполлон! Куда нам плыть? Где обретем мы приют?» Ответ оракула недвусмысленно указывал на необходимость вернуться на землю далеких предков троянцев. Но где же ее искать? Старый Анхис, отец Энея, сказал: «Послушайте меня, благородные троянцы! Слышал я от своего деда, что наши далекие предки в те незапамятные времена, когда на месте Трои еще была пустынная долина, прибыли туда с острова Крит. Направим же на Крит наши корабли!»

Карта части Средиземного моря, в которой бывал Эней

Исполненные надежды троянцы пустились в путь. На рассвете третьего дня пути они уже были у берегов Крита. Казалось, они достигли цели своих странствий. Остров был красив,

земля плодородна. Троянцы построили город, распахали поля и засеяли их зерном. Но неожиданно наступила засуха, а потом началась чума. Иссохли едва взошедшие посевы, люди стали умирать от страшной болезни. Эней был в отчаянии. Он хотел вернуться на Делос и молить Аполлона об избавлении от бедствия, но тут во сне ему явились пенаты – боги его домашнего очага – и сказали: «Вы неверно поняли слова оракула. Твоя прародина, благородный Эней, не остров Крит, а Италийская земля, которую иначе называют Гесперией. Там родился твой далекий предок – сын Зевса Дардан». Столь ясное указание обрадовало Энея, и троянцы снова отправились в путь. Вскоре началась буря. Впрочем, ветер оказался попутным, и спустя трое суток штормовое море принесло корабли Энея к берегам Строфадских островов, на которых обитали чудовищные гарпии – хищные птицы с женскими головами. Отсюда Эней направил свои корабли к побережью Эпира, где жил мудрый прорицатель Гелен. Он предрек, что после многих испытаний Эней достигнет Италийской земли и обретет там родину, счастье и славу. Вдохновленные этим предсказанием, троянцы двинулись на запад. Но по просьбе коварной богини Юноны (Геры) бог ветров Эол устроил на море ураган, унесший корабли Энея далеко на юг. Лишь помощь бога морей Нептуна спасла их от гибели. В итоге изрядно потрепанный флот троянцев оказался в гавани Карфагена. Из двадцати кораблей, вышедших из Трои, уцелело только семь.

В Карфагене правила прекрасная царица Дидона. Она была вдовой, но продолжала хранить верность умершему супругу. Эней и его спутники предстали перед царицей. И тут мать Энея, Венера, окружила его ярким сиянием и наделила такой блистающей красотой, что Дидона, раз взглянув на него, уже не могла отвести глаз. Полгода провел Эней в Карфагене, наслаждаясь любовью прекрасной царицы. Дидона предложила ему стать ее мужем и царем Карфагена. Но боги прислали к Энею своего крылатого вестника Меркурия (Гермеса), который сказал: «Увы, Эней! Ты позабыл свое назначение. Но если ты готов отказаться от собственной славы, то подумай о своем сыне Аскании. Ему в наследство должен ты оставить итальянские земли, его потомкам суждено стать царями великого государства!»

Эней начал собираться в дорогу. Дидона просила его повременить хоть немного, и мягкосердечный Эней уже готов был уступить, но боги укрепили его дух. Наконец настал день разлуки. Едва рассвело, троянцы отплыли от Карфагена. Возмущенная и оскорбленная Дидона прокляла Энея и его потомков и объявила им вечную войну. Много веков спустя, во время Пунических войн, римляне ссылались на то, что это царица Карфагена первая объявила им войну, да еще вечную...

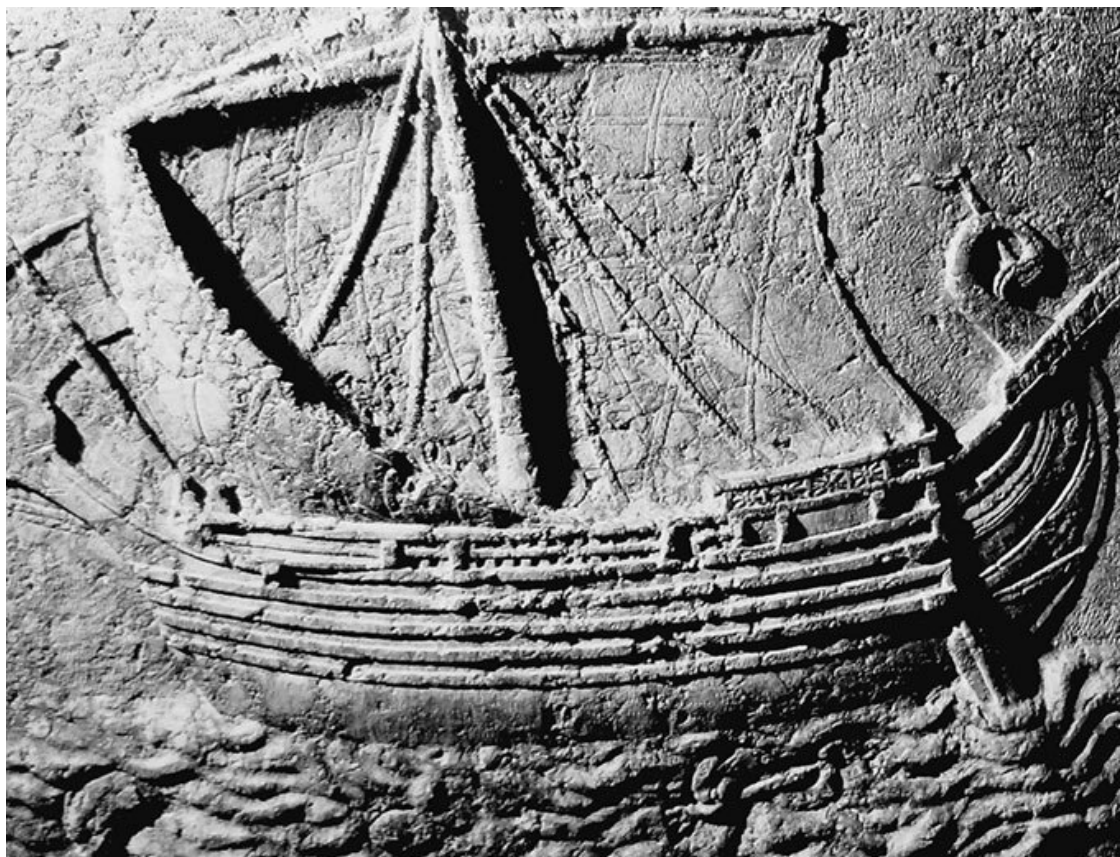
Покинув Карфаген, троянцы благополучно достигли берегов Италии и вошли на веслах в устье Тибра, на берегах которого через несколько веков был построен Рим. Италийскими землями в те времена правил сын бога лесов Фавна, царь по имени Латин. У него была дочь Лавиния. Однажды ночью Латину явился во сне его отец Фавн и повелел выдать Лавинию замуж за чужестранца, который вскоре прибудет на Италийскую землю. Этим чужестранцем оказался Эней. Латин выдал за него дочь, и Эней стал управлять Италией вместе с Латинем. Наследником Энея стал его сын Асканий. Он основал город Альба-Лонга, ставший столицей Италии. Потомки Энея правили там на протяжении многих веков. Позже славу Альба-Лонги унаследовал великий Рим. Считалось, что некоторые из наиболее знатных римских родов происходили от троянцев, бежавших из Малой Азии на запад после разграбления Трои ахейцами.

Вокруг «Ливии»

Во второй половине XX столетия исследователи все чаще начали прибегать к историческому моделированию, то есть, опираясь на имеющиеся данные, пытаться реконструировать древние орудия труда, объекты и технологии. Это неоднократно делали Т. Северин, Т. Хейердал, этим занимались многие другие энтузиасты. А два французских путешественника – Анри Жиль-Артаньян и Рене де Торлак – построили 24-метровое судно – реконструкцию финикийской парусной галеры. И повторили на нем плавание, которое, как полагают, было совершено еще в VI в. до н. э. . .

Около 596–594 гг. до н. э. фараон Нехо, пытавшийся поднять утраченный престиж страны, приказал финикийским мореходам, находящимся у него на службе, обогнуть Африку с юга. Это было крупнейшим географическим предприятием древности. «Ливия, оказывается, кругом омывается водой, за исключением той части, где граничит с Азией. Первым доказал это, насколько мы знаем, египетский царь Нехо. Приостановив рытье канала из Нила в Аравийский залив, он отправил финикийян на судах в море с приказанием приплыть обратно через Геркулесовы Столбы. . . Финикийяне отплыли из Эритрейского моря и вошли в Южное море. При наступлении осени они приставали к берегу и, в каком бы месте Ливии ни высаживались, засеивали землю и дожидались жатвы. После уборки хлеба плыли дальше. Так прошло в плавании два года, и только на третий год они обогнули Геркулесовы Столбы и вернулись в Египет. Рассказывали также – чему я не верю, – что во время плавания вокруг Ливии финикийяне имели солнце с правой стороны».

Так рассказывает Геродот об этом удивительном плавании вокруг Африки, совершенном в VI в. до н. э. Но «отец истории» записал все это спустя полтора века, да и то со слов древнеегипетских жрецов. Больше о плавании не упоминал никто. Сообщение Геродота вызывало сомнения в истинности изложенного уже в греко-римскую эпоху. Античные авторы оспаривали его, так как, по их убеждению, Африка смыкалась где-то на юге с Азией. Кроме того, они считали наименее вероятной именно ту часть рассказа, которую современные исследователи считают доказательством подлинности плавания. Имеется в виду сообщение о том, что путешественники, плывущие на запад, видели солнце справа, то есть на севере. Придумать такое нельзя – следовательно, корабли Нехо зашли далеко на юг. Некоторых исследователей, правда, смущало пройденное финикийскими кораблями расстояние – чтобы обогнуть Африку по морю, надо преодолеть 25 тысяч километров. Но почему бы не предположить, что суда постоянно держались вблизи берегов? К этому можно добавить, что плавание протекало в целом благоприятных для судоходства водах, чего не скажешь, например, о плаваниях полинезийцев, преодолевавших на своих каноэ огромные пространства открытого океана, который по чистому недоразумению называется Тихим.

Финикийское судно. Барельеф саркофага

Попытаемся приблизительно восстановить маршрут финикийских моряков. Они могли отплыть осенью из района современного Суэца. Вскоре они достигли мыса Гвардафуй. Течения и ветры этого района африканского побережья помогли мореходам – им даже не понадобились весла. Ветер ударил в паруса и погнал корабли на юг. Приближаясь к экватору, они некоторое время сопротивлялись северо-восточному пассату, а потом их подхватило Мозамбикское течение и донесло до юга Африки. К большому удивлению моряков, солнце здесь было видно справа, то есть на севере. Поздней весной они прибыли в район бухты Святой Елены и первый раз за много месяцев ступили на твердую землю. Вырастив урожай пшеницы (в субтропическом климате этих мест он созрел к ноябрю), они отплыли от берега и тут же попали в Бенгальское течение, которое донесло корабли до устья Нигера в Гвинейском заливе. В конце марта в районе этой реки они вновь увидели в зените полуденное солнце. Работая веслами – здесь им встретилось противотечение, – путешественники обогнули мыс Пальмас (современная Либерия). Следующий этап пути был нелегким, так как пришлось бороться с пассатом и Канарским течением. Но солнце, сиявшее так, как оно светило на родине, вселяло в путешественников надежду на скорый конец плавания. В ноябре они достигли берегов Марокко и здесь снова сделали долгую остановку, чтобы посеять хлеб и запастись провизией. В июне следующего года урожай был собран, и корабли двинулись дальше на север. Вскоре они миновали Гибралтарский пролив и вошли в Средиземное море. Экспедиция вернулась в Египет, когда Нехо уже не было в живых и некому было оставить на стене храма традиционную надпись, повествующую о содеянном...

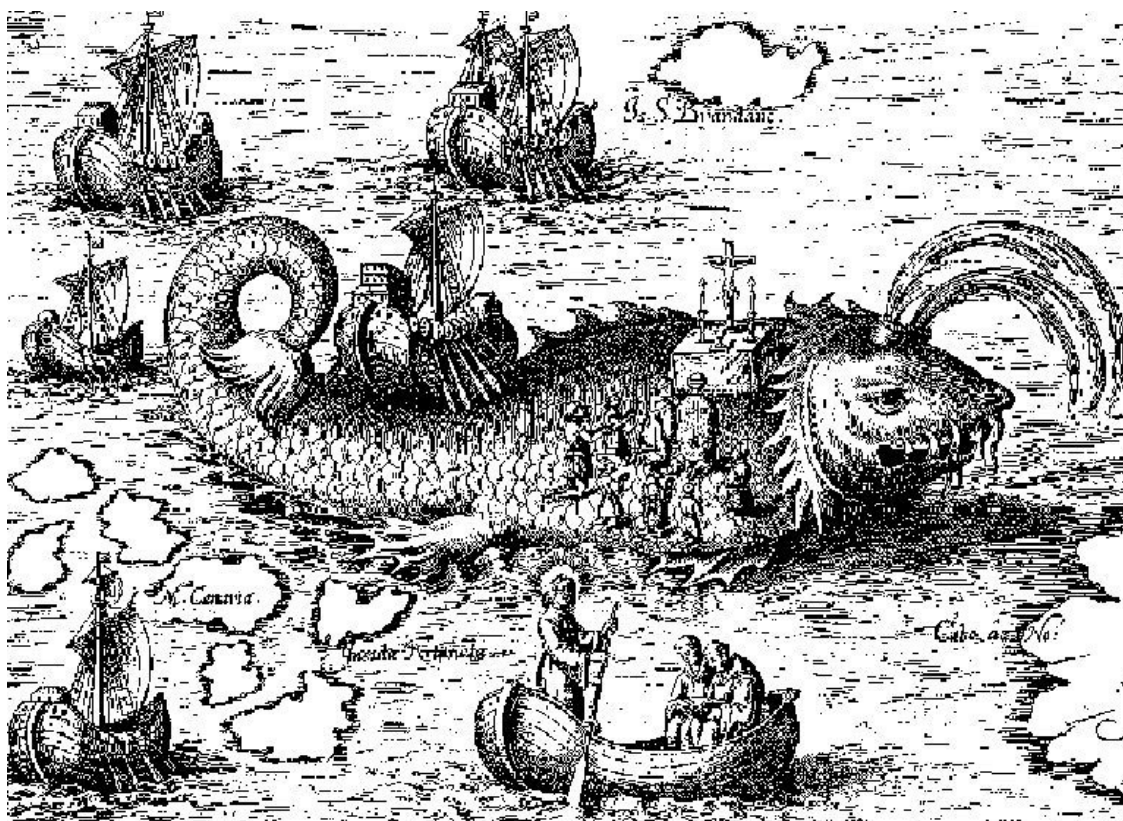
Через Атлантику со Святым Бренданом

Среди ирландских эпических сказаний о мореплавателях, совершавших далекие, полные приключений путешествия, наибольшую популярность приобрел рассказ о плавании святого Брендана. Это повествование сложилось в VI–VII вв. и, как считают современные исследователи, основано на вполне реальных событиях. Вполне реален и его главный герой: святой Брендан, аббат монастыря в Клонферте (Ирландия). Он родился в 484 г. в графстве Керри; в юности много учился, овладел основами математики, астрономии и навигации. Став взрослым, Брендан решил посвятить себя Богу. Много лет спустя Брендан стал настоятелем большого монастыря, возглавив общину из 3000 монахов. Однажды его посетил монах Барринд и рассказал о своем плавании к «земле обетованной». Плывая на запад, монахи прошли сквозь полосу густого тумана и достигли земли, изобилующей плодами и цветами. Пятнадцать дней бродили они по этой земле, пока не достигли большой реки, текущей с востока на запад...

Выслушав Барринда, Брендан сказал, что страстно желает посетить «землю обетованную». Участвовать в путешествии вызвались еще 14 монахов. Они построили лодку, обтянув деревянный остов бычьими кожами, продубленными настоем дубовой коры, и промазав все швы жиром, установили мачту, натянули паруса, поставили руль, погрузили припасы на 40 дней и отправились в далекое, полное опасностей путешествие.

Плавание было долгим и тяжелым. Первой встреченной землей стал маленький остров с «потоками воды, низвергающейся с обрывов». К этому описанию подходит остров Святой Килды из числа Гебридских островов (известно, что там было древнее ирландское монашеское поселение). Здесь странники нашли жилье и пищу. Отправившись далее, они не раз встречали в море другие острова: на одном были «стада белоснежных овец и реки, полные рыбы», на другом – «травы и белые птицы». По мнению некоторых исследователей, эти детали дают основание полагать, что Брендан и его спутники достигли Фарерских островов. На третьем острове, расположенном где-то в Северной Атлантике, они обнаружили монастырь с ирландскими монахами, давшими обет молчания.

Сильные штормы увлекли кожаную лодку Брендана дальше на север, где монахи увидели «море, как скисшее молоко» и «огромный кристалл» (по-видимому, путешественникам повстречались айсберги и битый лед). Вскоре судно пришло к «горам, извергающим пламя», и «красным скалам». Несомненно, это была Исландия. Затем шторм отнес мореплавателей еще дальше, на пустынное побережье, где они жили некоторое время «во чреве кита», то есть укрывшись за ребрами китового скелета (полагают, что этим побережьем, усеянным останками китов, была Гренландия). Наконец, после длительного плавания отважные путешественники оказались «в стране с лесами и большой рекой, уходящей внутрь страны». Такой землей, лежащей где-то поблизости от Гренландии, могла быть только Америка, а точнее – побережье полуострова Лабрадор с рекой Святого Лаврентия...

Святой Брендан и монахи в своем странствии. Средневековая гравюра

Как считают ученые, путешествуя по северным водам в поисках «обетованной земли», ирландские монахи открыли Оркнейские, Гебридские, Фарерские и Шетландские острова, Исландию, Гренландию и, возможно, достигли берегов Северной Америки. Во всяком случае, американский исследователь Л. Спайнс еще в 1925 г. доказал, что ирландские суда раннего Средневековья имели достаточный тоннаж, чтобы успешно совершить путешествие от берегов Ирландии до полуострова Ньюфаундленд. Они были даже лучше приспособлены для дальнего плавания под парусами, чем каравеллы Колумба!

Мысль о том, что в Америке какое-то время (по-видимому, непродолжительное) существовала ирландская христианская колония, обсуждается учеными вот уже более ста лет. Скорее всего, страна Хвитрамманналанд располагалась на побережье Лабрадора или Ньюфаундленда. Известно, что в 1970-х гг. на побережье Ньюфаундленда, в бухте Сент-Лунэр, археологи обнаружили загадочные знаки, процарапанные металлическим предметом на валуне. Эти знаки напоминали буквы письма, которым пользовались древние ирландцы.

Весомый вклад в разрешение загадки внес знаменитый ирландский путешественник Тим Северин. В 1975 г. он спроектировал и построил в точном соответствии с кораблями древних ирландцев кожаную карру «Брендан», водоизмещением около 5 тонн. Предполагалось, что с такой лодкой легко управится экипаж из четырех-пяти человек. Паруса, как и в далеком прошлом, были изготовлены из льна. Управление осуществлялось широколопастным веслом, закрепленным по правому борту; узкие гребные весла достигали в длину 3,5 метра. Планширы были изготовлены из дуба, стрингеры, мачты и шпангоуты – из ясеня, мачтовые опоры – из дуба. Остов лодки был связан кожаными ремнями без применения металлических гвоздей или деревянных шипов, а затем обтянут 49 кожами. Строго следуя старинным рецептам, кожи обработали дубовым экстрактом и пропитали животным воском, а ремни – тресковым жиром. Последние были к тому же вымочены в растворе квасцов. При сшивании кож применили льня-

ные нитки; для такелажа использовали тросы из того же материала и не ошиблись: лен прекрасно зарекомендовал себя в плавании.

В 1976 г. «Брендан» вышел в море. Даже специалисты кожевенного дела сомневались в прочности и долговечности бычьих кож при постоянном соприкосновении с морской водой. Однако кожаное судно отлично выдержало многодневное плавание в холодных водах Атлантики. Но сколько мужества, хладнокровия и находчивости пришлось проявить Тиму Северину и его товарищам! Сколько критических ситуаций встретилось мореплавателям на их пути!

Надо заметить, что подвиг Северина и его спутников был во многом и труднее, и значительнее, чем путешествие кельтских монахов. Современным людям было нелегко «вращаться в шкуру» средневековых мореходов, закаленных и неприхотливых, как мало кто из землян XX в.! К тому же, согласно выводам ученых, гидрометеорологические условия во времена святого Брендана были более щадящими, а климат – мягче и теплее. Паковых льдов в летние месяцы древние ирландцы наверняка не встречали. И прошли они маршрут от Ирландии до «Страны белых людей» за семь лет, переживая на суше непогоду, а экипаж «Брендана» преодолел тот же путь всего за два сезона!

Успешное плавание через Атлантику, предпринятое в 1976–1977 гг. Тимом Северином, показало, что неказистым кожаным каррам было вполне по плечу преодолевать большие расстояния. Так что вполне возможно, что в VI в. ирландские монахи действительно высадились на побережье Северной Америки – за 900 с лишним лет до Колумба! А подспорьем для них в этом далеком и опасном путешествии стал кожаный мешок, натянутый на деревянный каркас...

Восьмое путешествие Синдбада

Плавание на парусном корабле «Сохар», построенном по образцу тех, на которых плавал легендарный арабский мореплаватель Синдбад, Тим Северин задумал почти сразу же после успешного похода на «Брендане». Известно, что средневековые арабские мореплаватели уходили в морские просторы примерно в ту же эпоху, что и современники святого Брендана. Экзотические страны и народы, встреченные Синдбадом, являли удивительное сходство с реально существовавшими землями, описанными арабскими географами.

Чем глубже проникался Тим Северин легендой о Синдбаде, тем больше убеждался, что это не просто герой сказок. Несомненно, Синдбад – это собирательный образ арабских моряков и купцов, затевавших дерзкие, полные опасностей предприятия в VIII–XI столетиях, в пору золотого века арабского мореплавания. В ту эпоху арабские морские торговые пути охватывали значительную часть Индийского океана. Уже в VIII в. арабские купцы появились в Китае, на Яве, на восточном берегу Африки, на Мадагаскаре. Несколько позже параллельно со знаменитым сухопутным Шелковым путем, связывающим Ближний и Дальний Восток, арабами был проложен и морской «шелковый путь» от Персидского залива до Южного Китая. Историки полагают, что плавания по этому второму «шелковому пути» нашли отражения в сказках «Тысячи и одной ночи», составной частью которых являются сказки о семи путешествиях Синдбада. Эти семь путешествий в мифологизированной форме отразили реальные плавания, которые совершали арабские мореходы. При внимательном чтении «Тысячи и одной ночи» в стране Серендиб угадывается остров Шри-Ланка, в стране Забаг – остров Суматра, в Чампе – побережье Вьетнама, в островах Михраджан – Малайский архипелаг. Названия Хинд и Син обозначали Индию и Китай.

«Путешествия Синдбада», основанные на рассказах арабских моряков и купцов, существовали самостоятельно, до того, как вошли в состав «Тысячи и одной ночи». Тим Северин нашел глубокие связи сказок о Синдбаде с реальными событиями, происходившими тысячелетие назад. «И, мечтая воссоздать путешествие Синдбада, я решил построить копию арабского торгового судна тех времен и пуститься на нем по маршруту, который был высшим достижением арабского мореходства, – по маршруту длиной шесть тысяч миль из Омана к берегам Китая, – пишет Северин. – Я надеялся, что этот опыт – шаг в прошлое на тысячу лет назад – поможет нам понять, как древние арабы строили свои корабли и плавали на них, как они ориентировались в море и как возникли сказки о приключениях Синдбада».

Для того чтобы повторить плавание Синдбада, Тиму Северину предстояло построить копию арабского купеческого судна того времени и проплыть на нем по 10 000-километровому пути по морю, идя по следам Синдбада. Завершить маршрут предполагалось в китайском городе Гуанчжоу, в устье реки Сицзян.

Арабские корабли не использовали никаких рисунков или планов. Они строили суда исключительно «на глазок», руководствуясь лишь вековым опытом. В распоряжении Тима Северина имелись только рисунки арабских кораблей, приведенные на португальской морской карте Индийского океана, датируемой 1521 г. Детали и подробности о размерах и мощности, скорости и особенностях конструкции можно было уточнить с помощью средневековых арабских текстов.

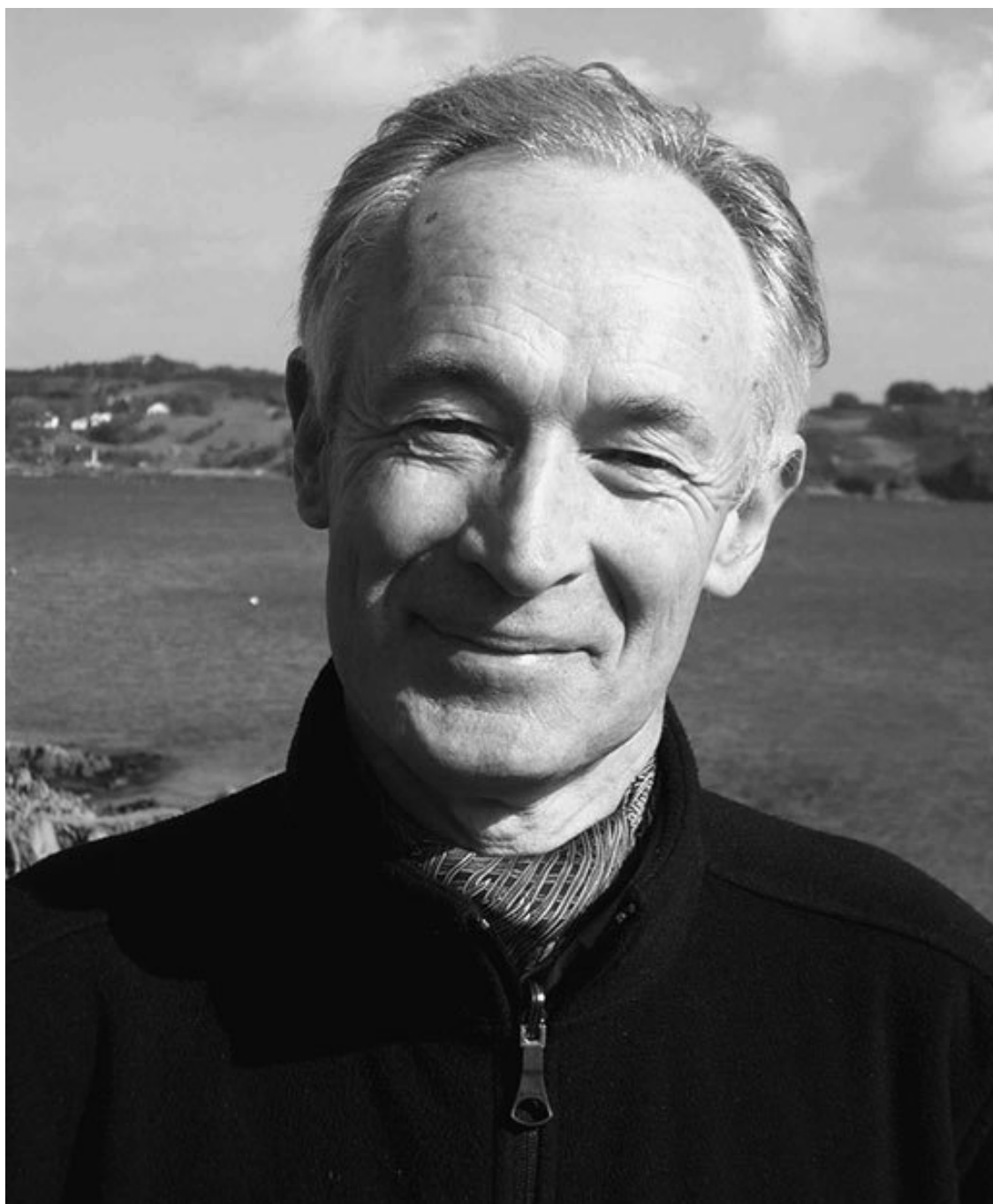
В поисках сведений об арабском судостроении Тим Северин посетил султанат Оман. Здесь, на побережье Аравии, он встретил нужные ему виды традиционных арабских кораблей и познакомился с местной судостроительной техникой. Здесь в течение столетий арабские корабли изготавливали суда, которые плавали от Занзибара на юге до Индии и Шри-Ланки на востоке в поисках древесины, специй и слоновой кости. Строить корабль Северин решил в городе Сур. Судно, названное «Сохар» – в честь города, где родился Синдбад, было заложено

1 января 1980 г. Длину корпуса определили в 26,5 метра. Двухмачтовый корабль с латинским парусным вооружением должен был нести три паруса: грот, бизань и кливер.

Корабль был построен за 165 дней. В состав его экипажа вошли восемь оманцев, повар-белудж и 10 европейцев. 23 ноября 1980 г. «Сохар» поднял паруса и вышел в открытое море, держа курс на юго-восток.

Управлять парусником оказалось очень легко, и корабль буквально летел по волнам, проходя более 100 километров в день. В середине декабря мореплаватели впервые высадились на берег – на крошечном острове Четлат в Лаккадивском архипелаге. Рождество моряки встретили в Каликуте – древнем центре торговли пряностями, а уже 21 января приблизились к гостеприимному берегу Шри-Ланки, или Серендибу, как называли этот остров арабы. Согласно сказкам «Тысячи и одной ночи», Синдбад дважды посещал Серендиб. А во время седьмого путешествия Синдбад видел, как здешнего короля сопровождала величественная процессия, а сам он восседал на огромном слоне. До сих пор на Шри-Ланке сохраняется ежегодная традиция проведения пышных парадов, когда циркачи и танцоры с факелами проходят по улицам. Шествие слонов, затянутых в парчу, становится кульминацией всего представления.

Остров Шри-Ланка был известен также своей долиной алмазов и драгоценных камней. Во время второго путешествия Синдбаду удалось избежать целого клубка змей, охранявших эту долину, и набить карманы драгоценностями. Хотя никаких алмазов на Шри-Ланке сейчас нет, местные драгоценные и полудрагоценные камни знают во всем мире – рубины, топазы, сапфиры. Как и во времена Синдбада, драгоценные камни добывают в речных отложениях. Интересно, что торговля драгоценными камнями по-прежнему находится в руках мусульман, а на здешних мусульманских кладбищах встречаются могилы арабских моряков, принесших эту религию на Шри-Ланку в VII столетии.

Ирландский исследователь Тим Северин

Спустя несколько дней «Сохар» двинулся дальше. Необходимо было поймать юго-западный муссон, который доставил бы путешественников к восточному побережью Суматры. Но муссон был уже на исходе, и это грозило всяческими неприятностями: спустя три недели «Сохар» от Суматры еще отделяли 1000 километров! Запасы пресной воды подходили к концу. Однако в первую неделю марта мореходам повезло – прошел ливень, и, расстелив брезент, им удалось собрать пресную воду и слить ее в баки.

5 апреля, спустя два месяца после того, как «Сохар» покинул Шри-Ланку, штиль наконец ослабил свою мертвую хватку. Первые же порывы юго-западного муссона натянули паруса «Сохара», и корабль начал продвигаться к Суматре.

Остров Суматра была издавна известен как Страна золота. Однако древние арабы боялись его и считали населяющих его жителей свирепыми людоедами. Синдбад, судя по всему,

побывал здесь дважды, во время своего четвертого и пятого путешествий, едва не став жертвой каннибалов...

В первой половине мая «Сохар» двинулся дальше по Малаккскому проливу, держа курс Сингапур. Когда парусник торжественно входил в порт, толпа, собравшаяся в порту, приветствовала его китайскими и малайскими песнями и танцами. Впереди был завершающий этап плавания – переход от Сингапура через Южно-Китайское море до порта Гуанчжоу (Кантона) в Китае.

Покинув Сингапур, «Сохар» отправился в моря, известные арабским путешественникам как море Кундранг и море Канхай. Из семи морей на пути к Китаю, как писалось в старых книгах, эти были наиболее опасными. Первые четыре дня по выходе из Сингапура были спокойными. А перед рассветом пятого дня внезапно налетел шквал, быстро превратившийся в настоящий шторм. Оснастка «Сохара» скрипела под сильным ветром, и опасный треск раздавался по всему кораблю. В какой-то момент морякам показалось, что корабль может перевернуться. А с запада уже надвигалась стена грозных штормовых облаков, клубящихся, как дым огромного пожара...

Три раза шквал обрушивался на «Сохар». Наконец, на горизонте показался китайский берег. Вход в устье Жемчужной реки (Сицзян) отмечала гора Дауаншан. Столетиями эта вершина служила арабам маяком на пути к большому речному порту, известному ныне как Гуанчжоу, а раньше называемому арабами Ханфу. Арабы и другие чужестранцы прибывали сюда за фарфором и шелком в таком количестве, что китайцы вынуждены были для присмотра за ними назначать специальных таможенных чиновников.

11 июля 1981 г. «Сохар», поднявшись по Жемчужной реке, бросил якорь в порту Гуанчжоу. Плавание, длившееся семь с половиной месяцев, закончилось. За кормой «Сохара» осталось 6000 миль.

«Хокулеа» идет по следам предков

Вопрос о том, каким образом полинезийцы преодолевали огромные океанские пространства долгое время оставался неразрешенным. Ведь для этого требовались немалые познания в области навигации! Первые европейские исследователи категорически отвергали саму возможность того, что полинезийцы были способны совершать дальние морские плавания. По мнению некоторых ученых, полинезийские каноэ были слишком хрупки и немореходны, их навигационные методы – слишком неточны, а их навыки судовождения – слишком элементарны для такой сложной задачи. Значительное число сторонников нашла теория о «случайном» заселении тихоокеанских островов: оно-де стало результатом «безвозвратных» плаваний моряков, заблудившихся в океане.

Те, кто пытался опровергнуть теорию «случайного заселения», сами испытывали недостаток информации относительно мореходных способностей каноэ полинезийцев, точности их навигационной системы и качества их судовождения. Споры быстро зашли в тупик. Решающий прорыв сделал новозеландец Дэвид Льюис. В 1965 г. он во время своего собственного плавания на катамаране от острова Таити к Новой Зеландии на практике проверил полинезийские легенды с их ссылками на звезды, сезоны плаваний и погодные условия. Впоследствии он предпринял обширное исследование традиционных методов навигации у полинезийцев. Результат исследования Льюиса был более чем убедителен: навигационные методы «мореплавателей солнечного восхода» позволяли им совершать рейсы практически любой степени сложности, открывать новые земли, возвращаться домой, а затем снова безошибочно находить в океане открытые ими острова. В плавании полинезийцы ориентировались по запахам, цвету воды, отблескам на небе, облакам над островами, лежащими еще за горизонтом, и т. д. У них имелись и «карты», изготовленные из веревок и раковин, различные навигационные приспособления.

Так выглядели полинезийские каноэ

Эстафету от Льюиса подхватило Общество полинезийских путешествий, созданное в 1973 г. на Гавайских островах американским ученым-антропологом Беном Финни. Он и его коллеги предприняли ряд масштабных экспериментов по компьютерному моделированию, пытаясь понять, могут ли преобладающие в Тихом океане ветры и течения способствовать заселению островов Полинезии пассажирами свободно дрейфующих каноэ. Результаты моделирования показали, что подобное попросту невозможно.

Оставалась последняя и, пожалуй, самая трудная задача: практически доказать, что каноэ древних полинезийцев могли совершать дальние океанские плавания. И тогда Бен Финни предложил дерзкий план: изготовить точную копию 40-футового двойного гавайского каноэ и проплыть на нем от Гавайев до острова Таити и обратно. Причем этот путь предстояло проделать не в один, а в оба конца, то есть протяженность маршрута удваивалась. Вдобавок группа Финни планировала использовать только традиционные, не-инструментальные полинезийские методы навигации, в то время как Хейердал во время рейса на «Кон-Тики» в 1947 г. пользовался магнитным компасом и другими современными техническими средствами и, кроме того, совершил плавание лишь в один конец, оставив вопрос о возвращении к берегам Южной Америки открытым.

Еще одной проблемой для Финни и его коллег являлось практически полное отсутствие сохранившихся образцов океанских каноэ. Тем самым нарушался базовый принцип экспериментальной археологии: отсутствовал прототип, который следовало копировать, используя современные ему инструменты и материалы. В распоряжении ученых были только несколько фрагментов древних каноэ, найденных в болотах и пещерах, где совершались погребения, и изобилующие неточностями рисунки и описания европейских исследователей XVIII–XIX вв. Все это предстояло подвести под некий «общий знаменатель» и построить пригодное для дальних плаваний каноэ, в основном соответствующее старинным образцам.

Конечно, современные «каноэстроители» не могли во всех деталях соблюсти древние традиции – ну, хотя бы потому, что на Гавайских островах не осталось деревьев-гигантов, пригодных для изготовления 60-футовых корпусов. Часть материалов пришлось заменить современными, например фанерой. Однако форму и вес судна удалось соблюсти достаточно точно. На некоторых отдаленных атоллах старики все еще помнили, как надо делать паруса из волокон пандануса и плести нехитрый такелаж, и экспедиция Финни охотно воспользовалась их помощью. Косые треугольные паруса, такелаж, палуба-платформа с небольшим шалашом – хале, крытым листьями панданусов, пагайе – весла с широкими лопастями и даже тики – резные фигурки богов-покровителей мореплавателей – все это ничем не отличалось от древних ваа каула.

Законченное судно было спущено на воду в 1975 г. Его окрестили «Хокулеа» – так гавайцы именуют звезду Арктур. 1 мая 1976 г. Бен Финни и его команда отправились в свое без преувеличения историческое плавание к берегам Таити. Исходной точкой послужила бухта Гонолуа, на северо-западном побережье острова Мауи. Подгоняемая легким ветром, лодка вышла из бухты и взяла курс на северо-восток в открытый океан. Теперь многое, если не все, зависело от искусства «звездного штурмана» Мау Пиаилуга и приглашенного ему в помощь новозеландца Дэвида Льюиса, ветерана одиночных океанских плаваний.

Первые три дня экспедиция плыла на северо-восток, чтобы обогнуть Мауи и Гавайи, а затем взяла курс на этак Тумур – звезду Антарес в созвездии Скорпион. Как объяснил Пиаилуг, только таким образом «Хокулеа» сможет выдерживать общее направление на Таити, несмотря на сильное западное течение. И все-таки именно в эти первые дни произошел единственный случай, когда авторитет «звездного штурмана» был поставлен под сомнение. Вахтенный рулевой заметил на рассвете несколько коричневых олушей. Поскольку он знал, что эти птицы никогда не залетают от земли дальше 50 миль, то решил, что Пиаилуг ошибся в вычислениях, и самовольно изменил курс. К счастью, проснувшийся вскоре штурман сразу же заметил это и исправил положение.

13 мая, когда «Хокулеа», по расчетам Пиаилуга и Льюиса, находилась на 6° с. ш. (фактически, как потом показали данные «Меотая», она была на 60 миль южнее), наступил полный штиль. Изнемогая от жары, мореплаватели гребли с восхода до заката, делая перерывы только для купаний да в самые тяжелые полуденные часы, когда даже под тентом было буквально нечем дышать, но за сутки каноэ проходило от силы 20–30 миль. Не помогли и ночные вахты: изнемогшие за день люди засыпали с веслами в руках, рискуя свалиться за борт.

Судно «Хокулеа»

Эта мучительная пытка продолжалась целую неделю. И лишь на 2^ю с. ш. каноэ вновь попало в полосу постоянных пассатов. Две трети пути остались позади, и команда могла позволить себе немного передохнуть. Зато для Мау Пиаилуга наступил самый ответственный этап: вывести «Хокулеа» к Таити. К концу четвертой недели плавания он считал, что каноэ находится в 180 милях к северу от архипелага Туамоту и в 350 от Таити. Но вот западнее или восточнее этих островов, штурман точно сказать не мог. Поэтому он решил применить тактику широкого поиска.

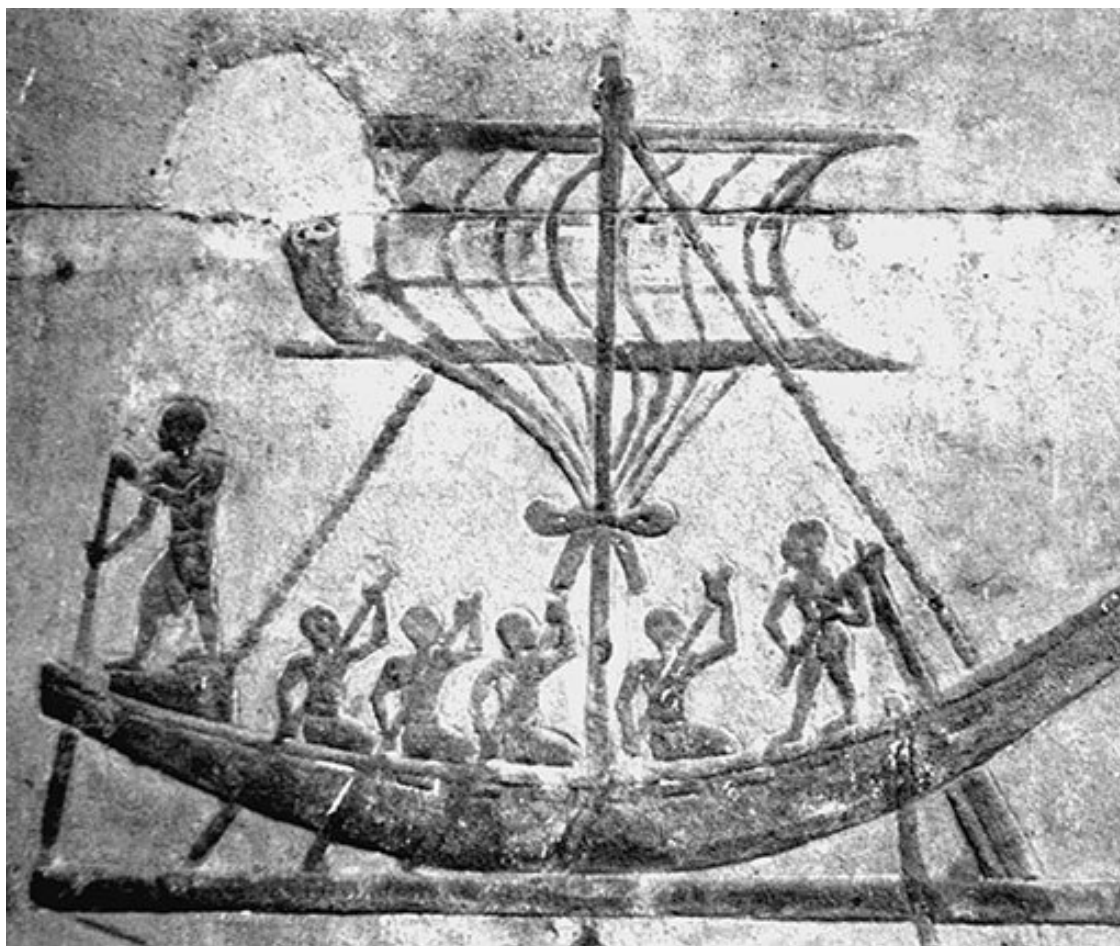
– Нам нужно четыре дня плыть на юго-запад, – предложил Пиаилуг. – Если за это время мы не увидим земли, значит, Таити остался позади. Тогда следует повернуть на северо-восток, и в конце концов мы обязательно наткнемся на этот остров или на Туамоту.

Дэвид Льюис поддержал этот план. Однако цель была найдена, как говорится, с первого захода. Вечером на следующий день Пиаилуг обратил внимание на то, что привычная зыбь с юго-востока внезапно стихла. Это могло означать только одно: «Хокулеа» вошла под прикрытие островов Туамоту. Когда первые лучи солнца скользнули по водной глади, столпившаяся на носу команда увидела впереди небольшой зеленый остров Матаива из группы Туамоту. А через сутки каноэ торжественно вошло в гавань Папееэте, административного центра Таити. Потомки отважных «мореплавателей солнечного восхода» доказали, что они достойны своих предков...

...И реальность, ставшая легендой

Хирхуф открывает Нубию

В период VI династии (XXVI–XXV вв. до н. э.) египетских фараонов в Северной Нубии возникли первые крупные межплеменные объединения, ставшие прообразами будущих государств. Древнеегипетские тексты сообщают, что один из нубийских вождей объединил под своей властью племена ирчет и сечу, а затем присоединил к ним племя вават, земли которого лежали по обоим берегам Нила и изобиловали золотом. Египетские фараоны внимательно следили за происходящим на южных границах, время от времени посылая в Нубию своих торговых и дипломатических агентов. Одним из таких агентов стал чиновник по имени Хирхуф, или Хуэфхор. Он служил фараонам Меренра I и Пиопи II и по их приказам трижды совершил далекие путешествия в Нубию. Возможно, он был первым египтянином, сумевшим проникнуть далеко на юг, выше Второго порога, в страну Нам.

Старинное изображение древнеегипетских мореходов

Первый раз он был послан сюда по приказу фараона Меренра, «чтобы открыть эту страну». Путешествие Хирхуфа длилось 7 месяцев; из своего странствия чиновник принес правителю драгоценные дары вождей Нубии. Во время второго путешествия, которое заняло 8 месяцев, Хирхуф собирал дань с племен Северной Нубии и снова посетил Нам. Во время

третьего путешествия, уже при Пиопи II, Хирхуф собирал в Северной Нубии дань скотом, затем отправился в Нама и вместе с царем этой страны принял участие в военном походе против ливийцев, «чтобы поразить ливийцев до западного края горизонта». Хирхуф сопровождал царя Нама в этом походе, а затем привел его войско в Северную Нубию. Хирхуф не только установил и закрепил союз Египта с Намом, но и заодно запугал правителя Северной Нубии мощью союзных сил. Тот увидел «силу и многочисленность войск Иама, спускавшихся со мной ко двору [царя], и [египетских] воинов, посланных со мной». После этого нубийский вождь пригнал Хирхуфу причитающуюся ему дань: крупный и мелкий рогатый скот. Кроме того, Хирхуф доставил из Нама и Северной Нубии драгоценные дары: шкуры пантер, слоновую кость, эбенное дерево. Самым же ценным подарком оказался живой пигмей, привезенный откуда-то с юга Нубии. Фараон Пиопи II, который в ту пору был еще мальчиком, несказанно обрадовался живой игрушке. Он особенно просил Хирхуфа о том, чтобы тот позаботился о карлике и доставил его в Египет здоровым и невредимым: «Сторожи его, чтобы не упал он в воду. Когда он будет спать ночью, поставь надежных людей, чтобы спали они позади него в палатке. Проверяй по десять раз ночью...»

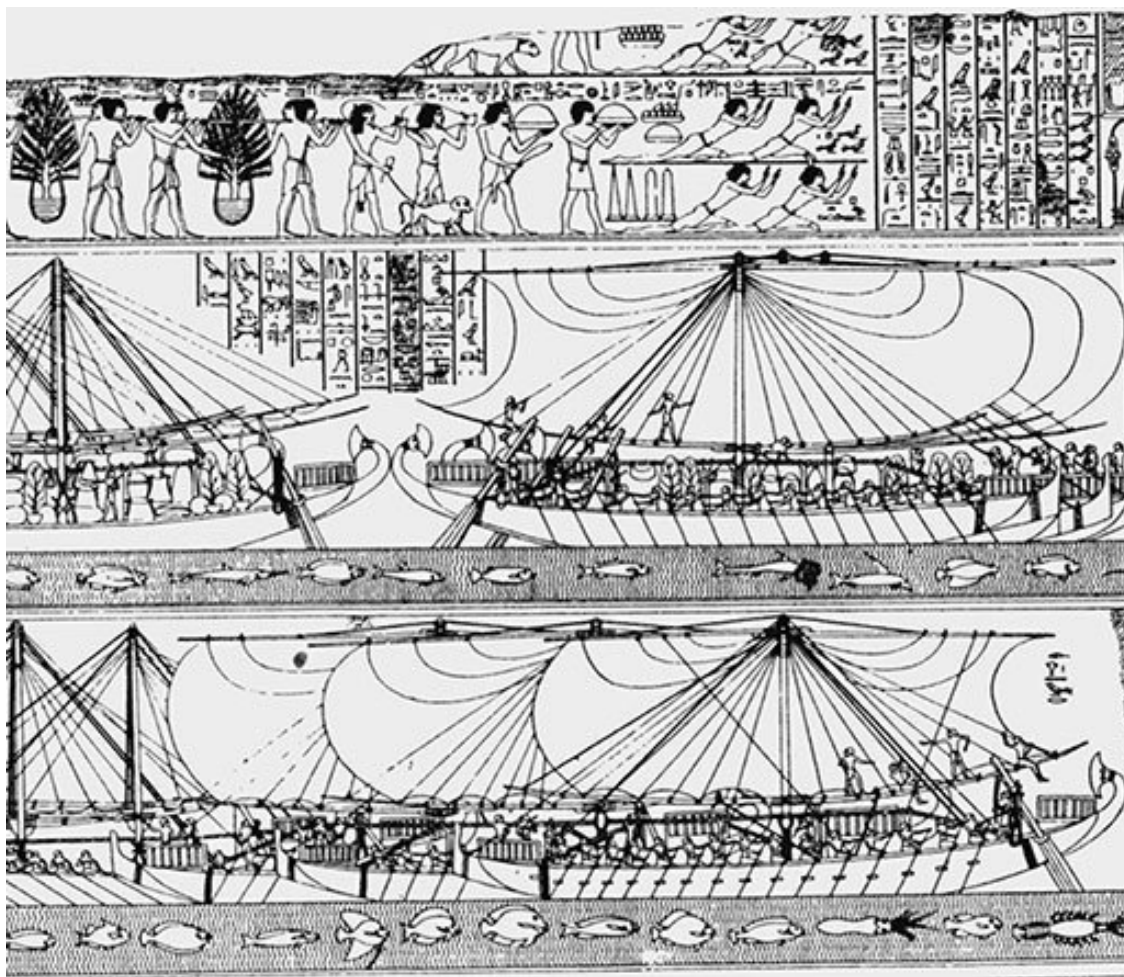
Корабли идут в Пунт

О жизни знаменитой женщины-фараона Хатшепсут (правила в 1501–1484 гг. до н. э.) ходили легенды. Ее называют «египетской Семирамидой», «первой великой женщиной в истории». Одним из выдающихся деяний этой правительницы стала отправка морской экспедиции к берегам далекой страны Пунт в 1482–1481 гг. до н. э. Об этом плавании рассказывают рельефы заупокойного храма Хатшепсут, изображающие возвращение кораблей из плавания в Пунт. Эти рельефы дополнены иероглифическими надписями, из которых можно узнать много интересных подробностей.

«Счастливым было отплытие воинов правителей обеих стран (то есть Верхнего и Нижнего Египта. – *Примеч. авт.*). Счастливым было их прибытие в страну Пунт. По повелению бога богов Амона они должны были доставить разнообразные ценности из различных районов этой страны. Это осуществила царица Хатшепсут. Ни разу подобное этому не случилось при других царях, издавна живших в этой земле. В Пунте можно запастись благовониями в любом количестве и загрузить ими корабли к взаимному удовлетворению.

Целое поле палаток воинов, присланных из Египта, было разбито там, где на ступенчатых террасах растут благовонные деревья страны Пунт, расположенной по обе стороны моря. Сделано это было для того, чтобы достойно встретить правителей этой страны. Для них были привезены хлеб, пиво, вино, мясо, сушеные фрукты и множество других товаров из Египта, как повелели советники фараона. Правитель Пунта прибыл на берег и привез дары.

Когда повелители страны Пунт появились на берегу, они низко поклонились воинам царицы, приветствуя их... Корабли были полностью загружены дорогими изделиями, а также множеством ценных сортов деревьев страны Пунт. Кроме того, было взято много благовонной смолы и свежей мирры, большое количество эбенового дерева, слоновой кости и чистого золота из страны Аму, а также краска для глаз, обезьяны с песьими головами и длиннохвостые обезьяны, “ветровые” собаки, шкуры леопардов и к тому же местные жители с детьми.

Прорисовка фрагмента рельефа из гробницы Хатшепсут

Воины разместились на кораблях, благополучно вернулись по морю назад и с легким сердцем отправились в Фивы».

На одном из рельефов храма Хатшепсут изображена страна Пунт – вся в буйной зелени деревьев, в ветвях которых гнездятся диковинные птицы. Под деревьями приютились свайные постройки местных жителей, похожие на плетеные корзины-ульи с лестницами у входа; вокруг спокойно пасется скот.

Но где же находилась эта страна? Бесспорно, место, расположенное по «обе стороны моря» и наиболее благоприятное для произрастания деревьев, содержащих благовонные смолы, – это южноаравийский Хадрамаут и побережье Сомали. Обезьяны с «песьими головами» (павианы) и леопарды некогда обитали по обе стороны Аденского залива. Тем не менее, как считает большинство исследователей, под страной Пунт следует понимать восточное побережье Африки. Рельефы храма Хатшепсут изображают обезьян, пантер, жирафов, хижины на сваях – типично африканские сюжеты.

Согласно одной довольно привлекательной гипотезе, страна Пунт находилась в Северном Сомали и простиралась до мыса Гвардафуй. Это гористая местность с посадками, заложенными на террасах и похожими на изображенные в Дейр-эль-Бахри. На этих террасах растет много деревьев, в том числе ладанное дерево (босвеллия), из которого получают ладан.

Несколько вводит в заблуждение фреска, на которой изображена толстая повелительница Пунта, выступающая рядом с супругом навстречу египтянам. Нижняя часть ее тела приземиста и толста, особенно пышны ягодицы, что типично для представительниц женского пола бушменов и готтентотов. В наше время готтентоты и бушмены населяют Южную Африку,

поэтому некоторые исследователи предполагают, что египетские моряки достигли именно Южной Африки. Разные варианты прочтения надписей, не всегда определенное и четкое их содержание оставляют простор для всевозможных толкований, тем более что нигде не упоминается продолжительность плавания. Однако нельзя не признать, что наши сегодняшние знания о передвижениях африканских кочевых народов далеки от совершенства. Готтентоты, по видимому, в древности обитали на территориях, расположенных гораздо ближе к северу. Само собой разумеется, этот аргумент не разубедит тех, кто считает, что Пунт находился в Южной Африке.

Новое доказательство для продолжения спора было найдено в одной из древнеегипетских гробниц – в шкатулке, сопровождавшей в последний путь знатную египтянку. Грим, обнаруженный в шкатулке, содержит сурьму, однако ее месторождения в те времена еще не были обнаружены ни в Персии, ни в Малой Азии, ни в Северной, ни в Западной Африке. Сурьма могла быть доставлена только из Южной Африки, скорее всего из района нижнего течения Замбези. Именно там, по предположениям некоторых ученых, и располагалась страна Пунт. Вероятно, эта же страна была в древности известна жителям Ближнего Востока под именем Офир.

Странный отчет царевича Сатаспа

«Сатасп овладел насильно дочерью Зопира, за какое преступление Ксеркс решил было распять его, однако мать Сатаспа, сестра Дария, испросила ему помилование и обещала сама наложить на него кару... Именно он обязан будет объехать кругом Ливию, пока не войдет в Аравийский залив. На таком условии Ксеркс сделал уступку...»

Вокруг этого рассказа Геродота разразилась целая буря.

Уже в приказе, данном Сатаспу, содержится сенсационная информация: ему велели объехать по морю вокруг Ливии – так тогда называли Африку – и прийти в «Аравийский залив». Откуда мог знать Ксеркс о возможности подобного плавания? Но самое сенсационное – это то, что Сатасп, по крайней мере частично, выполнил данное ему поручение!

«Сатасп прибыл в Египет, получил здесь корабль и египетских матросов и поплыл к Геракловым Столбам». Современные противники путешествия Сатаспа оспаривают утверждение Геродота: Гибралтарский пролив в те годы был блокирован карфагенянами, и путь в Атлантику закрыт. Один из крупнейших специалистов по истории географических открытий древности, доктор Р. Хенниг, считает «совершенно невероятным, что не искушенный в мореплавании перс, ни в коей мере не обладавший качествами отважного искателя приключений», прошел через блокированный пролив. Но, возражает другой исследователь, А. Клотц, гибралтарская «улица» была закрыта только для торговых судов, являвшихся конкурентами Карфагену, но никак не для одиночного судна, посланного, кроме того, по приказу самого Ксеркса, имевшего среди карфагенян большое влияние: именно он помог им в борьбе против Греции. Пролив был закрыт для греков, для Сатаспа же – открыт...

Вернувшись, Сатасп рассказал царю Ксерксу удивительные вещи: они прошли очень далеко вдоль африканского побережья, им пришлось плыть мимо страны, населенной людьми маленького роста, прикрывавшими наготу пальмовыми листьями, и каждый раз, когда египтяне приближались на корабле к берегу, маленькие люди покидали свои города и убегали в горы... Однако путешественникам не удалось обойти кругом всю «Ливию»: судно не могло идти дальше, так как на пути его появились мели.

Царь Ксеркс не поверил путешественнику: он счел, что Сатасп просто уклонился от исполнения данного ему поручения, понапридумывав разных небылиц, и велел казнить его.

Между тем в рассказе Сатаспа нет ничего необычного, за исключением даты его путешествия. «Маленькие люди» в одежде из пальмовых листьев – это, несомненно, пигмеи. Они живут в Экваториальной Африке, а если говорить о западной части континента, то никак не севернее Гвинейского залива. Но могли ли мореплаватели VI в. до н. э. забираться так далеко?

В рассказе Сатаспа речь идет о многомесечном плавании, так что за это время судно могло уйти далеко на юг, возможно, даже до берегов современного Камеруна. И пигмеи в древности занимали территорию гораздо большую, чем теперь, лишь в нашем тысячелетии под давлением соседей они начали постепенно смещаться к югу континента. Удивляет, правда, то обстоятельство, что Сатасп видел пигмеев с корабля: по его словам, «маленькие люди» якобы даже жили в каких-то «городах» на побережье. Р. Хенниг утверждает, что это невозможно. И уж конечно, пигмеи не строили никогда никаких «городов»! Может быть, Сатаспу рассказали о пигмеях карфагеняне, которым, несомненно, было кое-что известно об обитателях лесов Западной Африки? И царевич счел это вполне убедительным аргументом, с помощью которого он сможет заморочить головы слушателям по возвращении домой?

Кстати, а что за мель заставила его повернуть свой корабль? По мнению Р. Хеннига, эта мель могла встретиться Сатаспу только у мыса Бохадор в Марокко, и, следовательно, царевич не пересек в своем плавании даже Северный тропик, не говоря уж об экваторе. А если пересек?

Тогда он мог бы дойти как минимум до побережья Намибии, до легендарного Берега Скелетов...

Предполагаемый портрет персидского царя Ксеркса

Но есть ли веские аргументы в пользу плавания Сатаспа? Известно, что еще в VI в. до н. э. финикийские мореплаватели по поручению египетского фараона Нехо, по-видимому, сумели обойти Африку и вернуться в Египет через Красное море. Весть о том, что «Ливию» можно обогнуть морем, очевидно, дошла до Ксеркса, и тот поручил Сатаспу повторить опыт древних мореходов. Однако в полной мере осуществить этот замысел Сатаспу не удалось. Между тем, если бы известие о том, что «Африка на юге закругляется с востока на запад», распространилось в древнем мире, то, наверное, можно было бы избежать загадок и заблуждений более

поздних времен. Но понадобилось еще два тысячелетия, прежде чем Бартоломеу Диаш вновь открыл морской путь через южную оконечность Африки.

За Геркулесовыми Столбами

Долгое время считалось, что географические познания современников Гомера не простирались на западе дальше острова Корфу или, в крайнем случае, Сицилии. Такое представление, само по себе маловероятное, к настоящему времени давно стало анахронизмом. Доказано, что уже в микенскую эпоху (1650–1200 гг. до н. э.), то есть за много столетий до Гомера, греки установили прочные культурные и торговые связи не только с Сицилией, но и с Западной Италией и Сардинией. Более того, влияние микенской культуры можно проследить вплоть до современной Португалии! Возможно, однако, что в древнейшие века сами эллины еще не плавали в западной части Средиземного моря, иначе географические представления Гомера об этом районе и прилегающих к нему водах Атлантики не были бы до такой степени искажены фантазией. Греки, очевидно, долгое время вели торговлю с названными странами при посредничестве критян или финикийцев. Положение изменилось лишь после одного примечательного события, случившегося в VII в. до н. э.

...Затяжной шторм и восточные ветры вынесли корабль самосца Колея через Гибралтарский пролив в океан. Так первым из греков Колей оказался в открытом океане. Благодаря этой случайности он стал инициатором важнейших торговых сношений эллинов с изобиловавшим металлами Тартессом (Южная Испания); рассказывают, что из этого своего во многом случайного путешествия Колей привез ни много ни мало – 30 центнеров серебра! Сказочные богатства Тартесса, о которых греки до этого слышали только от финикийцев, в одночасье стали явью. До этого греческие полисы вели торговлю с Тартессом через Гадес, пользуясь посредничеством финикийцев. После же путешествия Колея греки напрямую установили довольно оживленные торговые отношения с Тартессом, сохранявшиеся в течение 120 лет. Греков принимали здесь весьма приветливо. Царь Тартесса Арганфоний, правивший чрезвычайно долго – около 80 лет (ок. 630–550 гг. до н. э.), богато одаривал греческих купцов, стараясь, чтобы они почаще гостили в Тартессе. Найденный в районе устья Гвадалквивира греческий шлем, датируемый примерно 625 г. до н. э., относится, возможно, уже к началу царствования Арганфония. В торговых связях этот правитель отдавал предпочтение эллинам перед финикийцами, опасаясь захватнического нападения карфагенян и надеясь на военную поддержку греков.

Точная дата путешествия Колея до нас не дошла, но ее можно вычислить: известно, что уже во время 33-й олимпиады (648–645 гг. до н. э.) сикионский тиран Мирон преподнес для сокровищницы в Олимпии ценные дары из «тартесской руды», то есть из бронзы. Отсюда следует вывод, что греки уже в VII в. до н. э. установили непосредственную связь с Тартессом, освободившись от посредничества финикийцев. Поэтому самой вероятной датой плавания Колея следует считать 700 г. до н. э. После захвата Тира Навуходоносором (568 г.) греки вообще освободились от финикийского соперничества на море и в течение полувека были почти монополистами в средиземноморской морской торговле, пока Карфагенская держава не преградила им доступ в богатые металлами иберийские страны. Лишь легендарная память об исчезнувшем с лица земли великолепии этих стран и об окружающих их морях, «переставших быть судоходными», сохранились, очевидно, в известном мифе Платона об Атлантиде.

Аристей у исседонов

К северу от причерноморских греческих колоний простирались бескрайние земли, населенные самыми разными племенами. И если о своих ближайших соседях – скифах, владения которых простирались от Дуная до Дона, греческие колонисты все же имели более или менее достоверные представления, то страны, расположенные к северу и востоку от скифских кочевий, оставались для них огромным белым пятном. А между тем именно из этих стран к берегам Черного моря привозили множество драгоценных товаров...

В VII в. до н. э. в эти далекие, неизведанные земли отправился человек, которого греческая традиция знает под именем Аристей из Проконесса (возможно, в реальности речь идет о двух разных людях, один из которых жил около 800 г. до н. э., а другой – на 340 лет позже). Вернувшись из своего долгого, полного опасностей путешествия, Аристей сложил о своих приключениях целую поэму под названием «Аримаспея». После этого он пропал – возможно, ушел в новое путешествие, из которого уже не вернулся. А его поэма со временем была утрачена, лишь немногие ее отрывки дошли до нас в изложении греческих авторов.

Аристей. Бронзовая статуя

По мнению современных ученых, несмотря на стихотворную форму и отчасти легендарный характер, поэма Аристея основана на вполне надежных географических и исторических фактах. Даже несмотря на утрату значительных фрагментов текста, можно с достаточной легкостью восстановить маршрут, которым прошел древний землепроходец. Отправившись от берегов Понта, он по древнему торговому пути через владения скифов добрался до устья Дона. Затем, идя вверх по Дону, через перешеек у излучины Дона вышел на Волгу и поднялся по этой реке до устья Камы, где уже около 1000 г. до н. э. располагался крупный торговый и культурный центр. Затем, следуя вдоль Камы (или по ней), Аристей достиг удобного перевала через Уральский хребет (близ современного Екатеринбурга) и оказался в районе Исети. Здесь обитало племя длинноволосых кочевников-исседонов, среди которых Аристей прожил некоторое время. Исседоны сообщили ему множество сведений о соседних народах и землях, расположенных к северу и востоку от их кочевий. Правда, эти сведения оказались расцвечены вымыслами – порой забавными, порой страшноватыми. Так, исседоны рассказали ему об одноглазых аримаспах, о хищных грифах, стерегущих золото, о расположенных на севере горах, с которых постоянно дует холодный ветер и никогда не сходит снег, о землях, окутанных тьмой и покрытых льдом...

За исключением этих сказочных сообщений исседонов, рассказ Аристея не содержит каких-либо неправдоподобных сведений, поэтому современные исследователи всегда относились к нему с большим интересом. Вопрос о том, куда привело Аристея его путешествие, спорен. Несомненно, однако, что он сумел достичь Приуралья, а возможно, даже и Зауралья. Ряд исследователей находят в рассказе Аристея первые сведения о Сибири. А. Гумбольдт отождествлял посещаемую аримаспами Страну золота, где якобы обитали стерегущие этот металл грифы, с Алтаем. Другие ученые предполагали, что речь идет об Урале. Страну аримаспов некоторые помещали на берега Енисея, что же касается исседонов, выступавших, согласно рассказу Аристея, посредниками в торговле золотом, то еще в XIX столетии большинство ученых было склонно видеть в них жителей Урала. В последующие годы эта гипотеза получила веские подтверждения.

Какова была цель путешествия Аристея, можно лишь предполагать. Вероятно, он, по собственному почину или по поручению эллинских купцов, решил лично познакомиться с прибыльными для торговли областями. Если это верно, то греческие торговые связи с Уралом начали развиваться уже около 700 г. до н. э., хотя греческих колоний на северном берегу Понта тогда еще не существовало. Скифские и греческие купцы, очевидно, не проникали дальше западного склона Уральских гор, поскольку главный центр торговли сибирскими товарами исторически всегда находился к западу от Уральских гор (в устье Камы или на берегах Волги). Также, видимо, обстояло дело и в древности, поскольку трудный путь через Уральские горы отнюдь не привлекал чужеземных купцов. Лишь один отважный Аристей сумел проникнуть далеко на восток, став первооткрывателем Сибири.

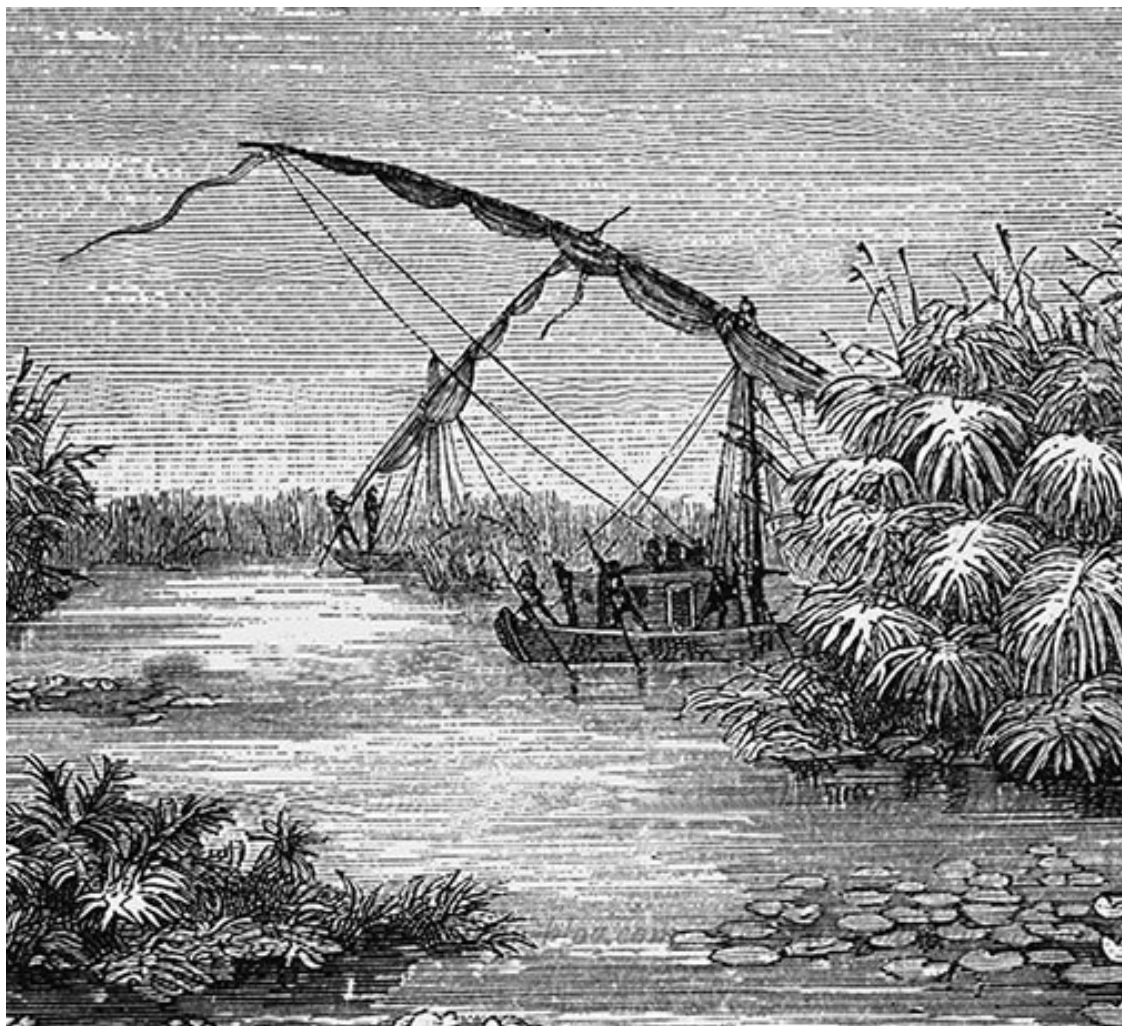
Загадочный Эвтимен

Эвтимен из Массилии предпринял морское путешествие в исследовательских целях вдоль побережья Северной Африки и, возможно, побывал в других водах Атлантического океана. Его отчет о плавании не сохранился. Мы узнаем о нем лишь из одного источника. Живший во II в. н. э. Марциан Гераклеяский упоминает Эвтимена среди авторов, составивших периплы (описания морских плаваний): «Одни – для некоторых областей, другие – для всего Средиземного моря, третьи – для внешнего океана». Однако перипл – это руководство для мореплавателей, и написать его мог только человек, прекрасно знающий все особенности описываемого моря.

Вопрос о том, в какую эпоху жил Эвтимен, остается спорным; неизвестны и цели его путешествия. Исследователи предполагают, что Эвтимен был современником Пифея, то есть жил в IV в. до н. э., другие относят его к концу VI в. Если действительно речь идет, по словам Р. Хеннига, немецкого историка открытий, о «попытке жителей Массилии поселиться на побережье Африки, попытке, которой вскоре воспротивились карфагеняне», то правильной может быть лишь более ранняя дата.

Эвтимен, видимо, плывал довольно далеко на юг, хотя вряд ли достиг Сенегала. Правда, Марциан указывает, будто Эвтимен открыл реку, в которой водились крокодилы и бегемоты. Если исходить из современных условий, то такой рекой мог быть только Сенегал. Но 2500 лет назад крокодилы и бегемоты водились во многих других, а возможно, и во всех реках Северной Африки, так как всю эту часть материка, и особенно горы, покрывали тогда густые леса. Например, стекающая с Атласских гор Уэд-Дра, русло которой в наши дни только изредка наполняется водой, некогда, по-видимому, была постоянной полноводной рекой, и в ней водились бегемоты.

Обнаружение крокодилов в какой-то западноафриканской реке неизбежно должно было вызвать предположение, что она связана с Нилом. Ведь еще во времена Александра Македонского считалось, что крокодилы водятся только в Ниле. Принял же Александр реку Инд, в которой тоже обитают крокодилы, за верхнее течение Нила. Поэтому вполне вероятно, что именно Эвтимен был автором остроумной, хотя и ошибочной гипотезы о причинах загадочного летнего паводка на Ниле. Согласно этой гипотезе, о которой упоминает Геродот, паводок вызывается пассатами, которые гонят огромные массы морской воды в мифический рукав Нила, впадающий в Атлантический океан. Убеждение в том, что Нил направляет свои воды в Атлантический океан через какой-то рукав, сохранялось до позднего Средневековья; еще арабы предполагали, что Нигер – это «Нил негров».

Парусная лодка на Ниле. Гравюра XIX в.

Упомянутую гипотезу о паводке на Ниле, по-видимому, развил Гекатей, основываясь на открытиях Эвтимена. Еще Геродот был знаком с этой теорией. Следовательно, вопрос о том, действительно ли Эвтимен жил раньше Геродота, лишен всякого основания. Напротив, следует согласиться с предположением, что Эвтимен жил в VI в. до н. э. Важнейшее плавание Эвтимена при всех обстоятельствах могло состояться только до того, как карфагеняне на целых 300 лет закрыли чужеземным кораблям доступ в Гибралтарский пролив. Позже греки уже были лишены возможности плавать в тех водах, в которых господствовал Карфаген. Мы не знаем, когда был закрыт Гибралтарский пролив. Самой ранней датой могло быть морское сражение при Алалии (ок. 537 г. до н. э.), в результате которого карфагеняне завоевали господство над Западным Средиземноморьем и Испанией, самой поздней – договор о мореплавании 509 г. до н. э. между Карфагеном и Римом, по которому последний признал закрытие Гибралтара. Весьма обоснованно предположение, что Эвтимен совершил свое путешествие около 530 г. до н. э.

Плавание Ганнона к «Колеснице богов»

«Карфаген должен быть разрушен»... Руководствуясь этой максимой, римские легионеры буквально стерли с лица земли огромный город, столицу великой морской державы, корабли которой на протяжении веков бороздили воды Средиземного моря и отваживались выходить далеко в Атлантический океан. В огне пожара погиб и храм Баал-Хаммона, в котором хранились удивительные трофеи – шкуры горилл, привезенные карфагенским мореплавателем Ганноном откуда-то с побережья Экваториальной Африки, а также каменная стела с текстом «Перипла Ганнона», где описывалось одно из самых захватывающих путешествий, совершенных древними мореплавателями...

В отличие от Карфагена, текст «Перипла Ганнона» не погиб. Он дошел до нас в греческом переводе, сделанном, по-видимому, еще в V в. до н. э. Этот памятник сильно отличается от обычных греческих периплов. Начинаясь как довольно сухой, прозаический отчет, он постепенно превращается в яркое художественное повествование, напоминающее авантурный роман. Здесь нет точных географических координат, и он почти бесполезен для идентификации мест, где побывали карфагенские моряки, но зато «Перипл» содержит массу живописных, порой даже устрашающих подробностей...

«Перипл царя карфагенян Ганнона о Ливийских землях, лежащих по ту сторону Геракловых столбов... И решили карфагеняне послать Ганнона в плавание за Столбы Геракла, чтобы основать ливийско-финикийские поселения. И он отправился в сопровождении шестидесяти пятидесятивесельных кораблей, с 30 000 мужчин и женщин, съестными и прочими припасами».

Тридцать тысяч человек на шестидесяти кораблях – какие гигантские масштабы! И пусть эта цифра, как считают некоторые исследователи, преувеличена; все равно нельзя отрицать того, что экспедиция Ганнона действительно была выдающимся предприятием. Она преследовала прежде всего политическую цель: укрепиться на океанском побережье Африки. Для этого Ганнону было поручено основать колонии по ту сторону Геракловых столбов. Карфагеняне стремились опередить своих конкурентов на море. В те времена главным соперником Карфагена в Западном Средиземноморье являлась Массалия (ныне Марсель), греческая колония на южном побережье современной Франции. Незадолго до плавания Ганнона массалиотский мореплаватель Эвтимен прошел вдоль атлантического побережья Африки и достиг большой реки, кишасей крокодилами, которую он принял за исток Нила (как полагают современные исследователи, речь идет о реке Сенегал). Теперь Ганнону предстояло не только побить рекорд соперника, но и закрепить за Карфагеном право контроля над морскими путями вдоль Западной Африки. В разных точках побережья Ганнон основывал новые колонии, и в каждой оставлял часть людей и кораблей, так что, когда он дошел до крайней южной точки своего пути, число тех и других значительно уменьшилось.

Руины Карфагена

Побережье Африки за Геракловыми столбами было карфагенянам хорошо известно на протяжении нескольких сот километров. Выйдя в Атлантику, они через два дня пути zaloжили на берегу первый город – Тимиатерий (там, где ныне находится марокканский город Мехдия). Основав на побережье еще пять колоний, экспедиция Ганнона достигла реки Ликсус (Уэд-Дра), где путешественников встретили дружелюбно настроенные племена ликситов. Пробыв у них некоторое время и взяв с собой на борт нескольких проводников, карфагеняне снова двинулись на юг, вдоль пустынных берегов Сахары.

В устье большой реки, которую местные жители называли Хрета, располагалось большое озеро с островами. Возле его южной оконечности высились горы, населенные дикими людьми, одетыми в звериные шкуры. Высадиться здесь не удалось: дикари, бросая камни, отгоняли карфагенян от берега. Далее на пути кораблей Ганнона лежала еще одна большая река, большая и широкая, кишася крокодилами и гиппопотомами (несомненно, речь идет о Сенегале). Отсюда карфагеняне шли по морю двенадцать дней, огибая материк, пока не прибыли в землю «эфиопов» (то есть негров), язык которых был непонятен даже проводникам-ликситам. «Эфиопы» оказались очень боязливы. Завидев корабли, они убегали в леса. Карфагеняне высадились у подножия больших лесистых гор, с интересом рассматривая диковинные деревья с душистыми стволами. Вновь подняв якоря, экспедиция спустя два дня оказалась в огромном заливе с плоскими равнинными берегами. Ночью с кораблей были видны огни на обоих берегах. Запасшись здесь пресной водой, Ганнон повел свои корабли дальше.

Через пять дней экспедиция достигла большого залива. Проводники объяснили, что он называется Западный Рог. В этом заливе было несколько островов, и на каждом – соленые озера. Острова густо поросли лесом, и увидеть что-либо в этой чаще днем было невозможно. Однако когда спустилась ночь, джунгли озарились десятками огней. Откуда-то раздались звуки флейт, кимвалов и тимпанов и громкие крики. Возможно, это просто было какое-то африканское празднество, однако обилие огней и странная музыка в ночи напугали карфагенян; они немедленно оставили остров.

Далее их путь лежал мимо страны, изобилующей благовониями. Однако высадиться здесь не было никакой возможности: стояла страшная жара, берег полыхал огнем, огромные огненные потоки изливались прямо в море. Зрелище огненной стихии повергло карфагенян в трепет. Спустя четыре дня они попали в настоящий ад: ночью с кораблей увидели пылающую землю. Над бушующими языками пламени поднимался высокий огненный столб – казалось, что он достигает звезд...

Когда рассвело, огненные призраки отступили, и то, что ночью выглядело огненным столбом, при свете дня оказалось высочайшей горой, изрыгающей пламя и дым. Проводники-ликситы пояснили, что она называется Феон-Охема – Колесница Богов.

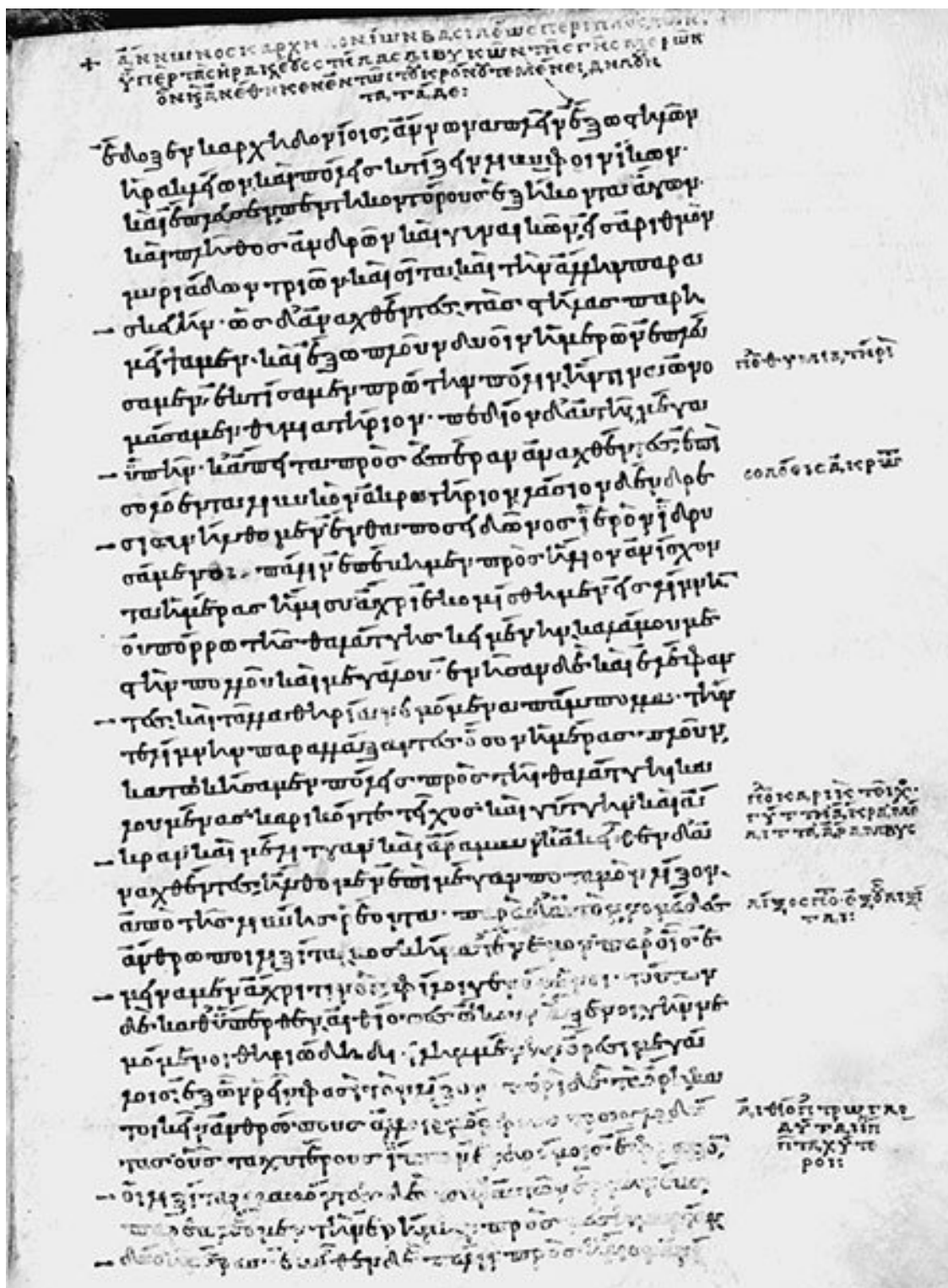
Через три дня корабли Ганнона прибыли в залив, называемый Южным Рогом. В его глубине был остров, населенный дикими людьми, с телами, покрытыми шерстью. Проводники называли их гориллами. Карфагенянам удалось поймать трех «женщин»-горилл, но они отчаянно кусались и царапались, так что доставить их на корабли не было никакой возможности. Пришлось их убить. С них сняли шкуры – позже участники экспедиции демонстрировали их в Карфагене. От берегов острова горилл Ганнон повернул назад. «Дальше мы не плавали. У нас не хватило припасов», – заключает он.

«Перипл Ганнона» вызвал в современной науке обширную дискуссию, в том числе и об его подлинности. Говорили, что перипл представляет собой не подлинный отчет карфагенского мореплавателя, а фальшивку, сочиненную еще в древности неким греческим автором, использовавшим для своего чисто литературного сочинения имя Ганнона. Сторонники этой теории считали, что язык перипла слишком правилен и поэтичен, он выдает руку эллинского писателя. Кроме того, нет никаких реальных археологических свидетельств проникновения карфагенян на побережье Африки южнее острова Могодор, говорили они, и Ганнон попросту не мог вернуться назад из-за мыса Бохадор, так как преодолеть встречные ветры без соответствующих мореходных инструментов и при наличии прямого латинского паруса было в то время невозможно. Однако эти возражения оказались несостоятельными. Известно, что для дальних заморских экспедиций карфагеняне пользовались пентеконтерами – большими 50-весельными кораблями, построенными из дерева и изнутри обшитыми листами свинца. Эти корабли были гребными и, следовательно, не зависели (или зависели в очень небольшой степени) от направления ветров. На них можно было плыть вдоль побережья Африки сколь угодно долго и в любом направлении: и на юг, и на север. А филологический анализ текста «Перипла» показал, что многие «греческие» обороты оказались всего-навсего переводом с финикийского (пунического). Сведения «Перипла Ганнона» о флоре и фауне африканского побережья в целом соответствуют реальным условиям и отличаются от обычных греческих представлений о невозможности жизни в этих районах Африки.

Другой спорный вопрос – дата плавания Ганнона. Некоторые исследователи полагали, что это произошло во второй половине VI в. или даже в конце VII – начале V вв. Однако современные данные археологии свидетельствуют, что первые следы карфагенского присутствия в Северо-Западной Африке появляются на рубеже VI–V вв. и трудно не связать это с деятельностью Ганнона.

Самый дискуссионный вопрос: пределы плавания Ганнона. Сам мореплаватель в своем отчете после довольно четкого описания начального этапа пути о дальнейшем путешествии

рассказывает довольно неясно – кажется, даже нарочито неясно, указывая только, что достиг горы, называемой Колесница Богов, и залива Южный Рог. «Колесницу Богов» связывали и с Зеленым Мысом, и с горой Какулима в Гвинее, и с вулканом Камерун. Как бы то ни было, все эти пункты находятся южнее устья Сенегала, достигнутого ранее массалиотским моряком Эвтименом. По-видимому, этим и объясняется ясность первой части перипла: так как путь до устья Сенегала был уже известен, скрывать его не было необходимости. А вот дальнейший путь – очень даже имело!

Одна из страниц рукописи

Не вызывает сомнений и историчность самого Ганнона: он был одним из представителей правящей в Карфагене династии Магонидов, возможно – старшим из братьев-внуков легендарного Магона, которым в первой половине V в. принадлежала власть в Карфагене. Именно поэтому «Перипл» называет его «царем карфагенян». И конечно, лишь очень высокопоставленное лицо могло встать во главе столь масштабного предприятия, в котором участвовало 30 тысяч человек. Фактически это было целое переселение части карфагенских граждан!

Доверие к рассказу Ганнона росло по мере того, как в распоряжении ученых накапливалось все больше сведений о Западной Африке. В середине XIX в. в Габоне был обнаружен неизвестный до сих пор вид человекообразных обезьян – гориллы. Но ведь именно о них рассказывает карфагенский моряк, дошедший, судя по всему, до Гвинейского залива («Южного Рога»)! А на роль «Колесницы Богов» вполне может претендовать вулкан Камерун (его высота – 4 км). Долгое время он считался потухшим, однако когда в 1909 г. его жерло неожиданно разверзлось и все побережье запылало огнем, многие ученые безоговорочно приняли «показания» Ганнона. Следующее извержение Камеруна в 1922 г. было еще более грандиозным.

Если эта версия верна, то Ганнона следует признать одним из величайших мореплавателей древности. Он стал первым представителем средиземноморских народов, который проник в тропическую Африку с запада. Можно предположить, что, пройдя в глубь Гвинейского залива и увидев, что берег поворачивает на юг, руководитель экспедиции решил завершить маршрут и возвращаться: Африканский континент оказался значительно более обширным, чем он предполагал...

Спустя два тысячелетия португальские моряки преодолевали путь, пройденный Ганноном, на протяжении целых 70 лет!

Гимилькон в Атлантике

Почти одновременно с плаванием Ганнона другой карфагенский мореплаватель, Гимилькон, возглавил морскую исследовательскую экспедицию к берегам Англии и Ирландии. Очевидно, он также выполнял государственное поручение. Известный римский историк Плиний, который, возможно, располагал подлинником отчета Гимилькона, указывает, что этот флотоводец был послан Карфагеном исследовать «внешние границы Европы». Отсюда можно предположить, что Гимилькон должен был отыскать, во-первых, полулегендарную Страну олова (Британию), а во-вторых, другие важные для торговли области – например, Страну янтаря. Но никаких сообщений об успехах его экспедиции не сохранилось, а подлинник отчета о плавлении Гимилькона, к сожалению, до наших дней не дошел, хотя, несомненно, существовал. Сохранились лишь весьма скудные его фрагменты, так что мы очень плохо осведомлены о ходе этого первого плавания карфагенян к Оловянным островам. А между тем в поэме Руфа Авиена «Морские берега», относящейся к позднеимперской эпохе (ок. 400 г. н. э.), несколько раз приводятся ссылки на сведения Гимилькона, и это свидетельствует о том, что отчет карфагенского путешественника сохранял свою важность даже спустя 900 лет!

Гимилькон и его спутники достигли, видимо, Южной Англии и Ирландии. Как далеко они зашли и чего добились, остается неясным. Известно только, что плавание проходило в сложных условиях и заняло необычайно много времени, поскольку из-за неблагоприятной погоды, многочисленных штилей, туманов и плохой видимости корабли шли по незнакомым водам очень медленно. В каком-то неизвестном месте мореходы имели хотя и не причинившую им вреда, но все же очень опасную встречу с мелями, скоплениями водорослей и многочисленными морскими животными. Погодные условия также были самыми ужасными: участники экспедиции донесли до своих соотечественников рассказы о том, что в северных морях «мрак одевает воздух, как будто какое одеяние, всегда густой туман нависает над пучиной и сумрачные дни не разгоняют туч над ним». Надо полагать также, что именно из уст Гимилькона жители Средиземноморья впервые услышали легенду о «застывшем море». Впрочем, не исключено, что все эти подробности были попросту придуманы хитрыми карфагенянами, чтобы отбить у своих торговых конкурентов всякую охоту плавать к Оловянным островам.

Приключения Гимилькона, видимо, привели к тому, что неблагоприятные для судоходства особенности условия плавания от Пиренейского полуострова к Оловянным островам, с которыми якобы столкнулся флотоводец, стали рассматриваться как обычные для этого океана. Это очень напоминает историю Магеллана, который пересек Великий океан и назвал его «Тихим», так как за четыре месяца плавания случайно не разразилось ни одного шторма. Как бы то ни было, карфагеняне всячески использовали описания Гимилькона, чтобы распространить среди других народов мнение, будто судоходство в западных морях невозможно или, во всяком случае, сопряжено с большими опасностями.

Путешествие Пифея-лжеца

Две тысячи триста лет Пифей ждал признания правдивости своих рассказов. Современники не верили ему. Лишь в наше время ученые, тщательно изучив обрывки записей Пифея, сохранившиеся в пересказах других авторов, заключили, что нет оснований сомневаться в их правдивости.

«Варвары показали нам то место, где Солнце отправляется на покой. Ибо случилось как раз, что ночь в этих областях была очень короткой и продолжалась в некоторых местах два, в других – три часа, так что через очень короткое время после захода солнце снова поднималось...»

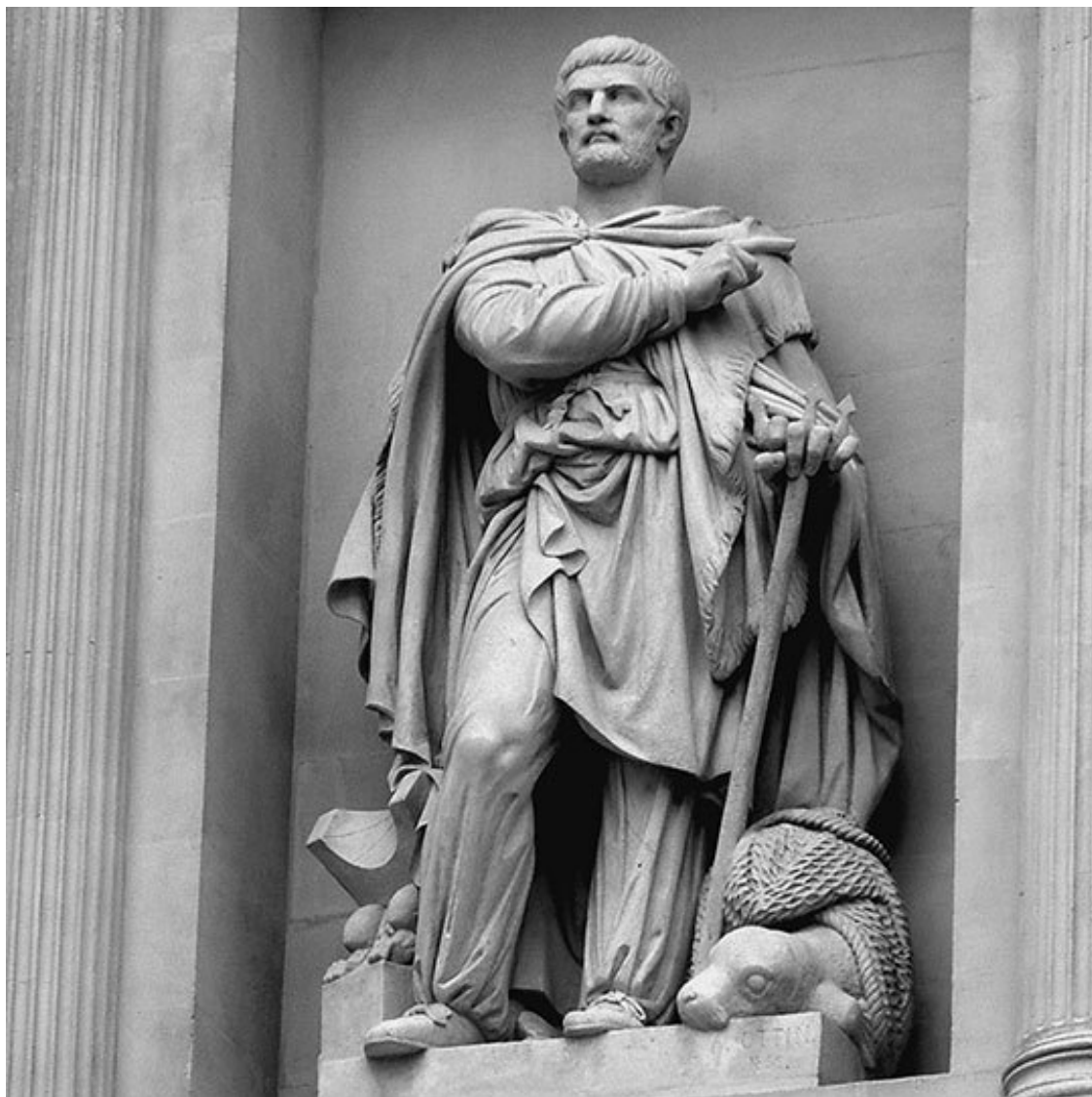
«Самой далекой из всех известных земель является Туле, где во время солнцеворота нет ночей, но очень мало дневного света в зимнее время... это продолжается без перерыва 6 месяцев подряд... Наиболее северная область Британии, лежащая около Туле, составляет последний предел обитаемой земли. Севернее Британии лежат еще другие острова: Скандия, Думна, Берги и величайший из всех Беррике, с которого обычно плавают на Туле. На расстоянии одного дня морского пути от Туле находится застывшее море, называемое Кронийским».

«Германское племя гуйонов обитает на отмели моря, называемого Метуонис... Отсюда один день плавания на парусниках до острова Абалус. На этот остров волны весной выбрасывают янтарь. Жители применяют его в качестве топлива вместо дров и продают соседним им тевтонам...»

Путешествие Пифея поражает куда сильнее, чем «Одиссея» Гомера. Сохранись до наших дней его книга «Об океане», она бы считалась классикой приключенческого жанра. Утрату этой книги, в которой Пифей рассказал о своем долгом путешествии, известный историк Р. Хенниг назвал «самой тяжелой из всех утрат, понесенной географической литературой древности». Плавание Пифея стало самым значительным достижением моряков Античности. Оно настолько переворачивало все представления жителей Средиземноморья об окружающем их мире, что позднейшие греческие и римские авторы попросту отказались верить путешественнику. В античную литературу Пифей вошел с клеймом «лжеца», а почти все собранные им сведения были единодушно сочтены «вымыслом». Сегодня же Пифея называют «ученым в самом высоком значении этого слова».

Пифей жил в IV в. до н. э. в Массалии (ныне Марсель, Франция). Некоторые авторы даже называют точную дату его рождения: 315 г. до н. э. Массалия тех лет была одним из крупнейших торговых городов Западного Средиземноморья. Его основали около 600 г. до н. э. греки – выходцы из малоазийского города Фокеи. Фокейцы были одним из наиболее отважных народов-колонизаторов древности. «Жители этой Фокеи, – сообщает Геродот, – первыми среди эллинов пустились в далекие морские путешествия. Они открыли Адриатическое море, Тирсению, Иберию и Тартесс». Вероятно, от своих фокейских предков Пифей унаследовал их беспокойный характер и неистребимую тягу к дальним путешествиям.

Пифей не был купцом. Он был ученым и располагал весьма скромными средствами. В неведомые земли он отправился, скорее всего, при поддержке крупных массалиотских купцов, наживших огромные состояния на торговле оловом и стремившихся получить надежные сведения о лежащих на севере странах. Олово было необходимо жителям Средиземноморья для выплавки бронзы, а основным поставщиком олова в те времена служил полуостров Корнуолл (Британия). Путь туда лежал либо по морю, в обход Пиренейского полуострова, либо – что было более безопасно и удобно – по суше, через Галлию. Этот последний путь и контролировала богатая Массалия. И именно этим путем отправился в страны олова и янтаря «лжец» Пифей...

Скульптура Пифея на фасаде здания биржи в Марселе

Историки и географы Античности оставили достаточное количество свидетельств, чтобы восстановить его маршрут: от нынешнего Марселя вверх по реке Роне, далее по Сене или Луаре – к побережью Атлантики, оттуда морем в Британию. Это была древнейшая дорога через континент, пройти которую можно было за 30 дней (на всем протяжении этого Великого оловянного пути археологи находят слитки олова, вывезенные из английских рудников). В устье Луары лежал кельтский торговый город Корбилон, разбогатевший на торговле оловом (позднее он исчез без следа). Отправившись отсюда на корабле, через три дня Пифей достиг острова Уэссан – важного перевалочного пункта на Оловянном пути. Далее ему предстояло идти к Британским островам. В те времена жителям Средиземноморья был известен только крайний юг Британии, да и то поверхностно, и, по-видимому, массалиотские торговцы поставили перед Пифеем задачу исследовать эту землю, столь богатую оловом, выяснить, является ли она частью материка или только островом, и, конечно, в полной мере оценить ее коммерческие перспективы.

На корабле, нанятом в Корбилоне, Пифей отправился в долгий путь вокруг Британии. Сорок дней понадобилось ему на то, чтобы обойти весь остров. Он высаживался на берег, встречался и разговаривал с местными жителями. В Корнуолле он изучал залегание слоев оловянной руды и способ прокладки штолен в пустой породе, разделяющей рудные жилы, наблю-

дал, как туземцы плавят руду и отливают ее в слитки. В своих записях Пифей отмечал, что рудокопы дружелюбны, приветливы и умны, потому что им постоянно приходится соприкасаться с другими народами (эти, как и другие сведения, дошли до нас только со слов других авторов). Описывая свою поездку в глубь Британии, Пифей говорит, что эта страна населена земледельцами, живущими по большей части в мире друг с другом.

Пифей был внимательным наблюдателем и хорошим астрономом. Он обнаружил, что Полярная звезда находится не точно в полюсе мира. Он наблюдал приливы в северных морях и впоследствии рассказал о них. Британию Пифей описал в виде треугольного острова и приблизительно подсчитал размеры каждой стороны треугольника. При этом он значительно преувеличил размеры острова, но определил правильные пропорции.

В одном месте Пифей уверяет, что во время бури видел волны высотой в 60 локтей, то есть 27 метров! Многим это казалось баснословным. Однако есть все основания полагать, что Пифей был свидетелем бури в проливе Пентленд-Ферс, у северной оконечности Шотландии. Здесь, когда шторм совпадает с приливом, образуются волны высотой до 18 метров, а столбы брызг поднимаются еще выше.

В Шотландии Пифею рассказали, что в шести днях пути к северу от Британии находится остров Туле. Его название вошло в литературу как символ крайней точки известного мира, и с тех пор «ульtima туле» означает «край света». Одни географы думают, что этим именем называлась Исландия, другие – что это часть Норвегии, третьи – что речь идет о Гренландии. Весьма интересен факт, что уже в те отдаленные времена существовало морское сообщение между Британией и далекими землями, лежащими на севере.

Во время своего плавания Пифей зашел на север дальше, чем кто бы то ни было до него – за 60° с. ш. (сегодня его иногда называют «первым полярным исследователем») и в поисках легендарной страны Туле, возможно, достиг побережья Норвегии в районе Тронхейма.

Пифей не удовольствовался плаванием вокруг Британии. Он вторично пересек Ла-Манш и направился на северо-восток вдоль берега Европы, «за реку Рейн в Скифию». Он побывал в устье Эльбы, где слышал рассказы про остров, богатый янтарем, – возможно, Гельголанд. В Балтийское море Пифей не попал: скорее всего, он достиг лишь западного побережья современной Дании, откуда повернул в обратный путь. Из дальних странствий он привез с собой книгу, полную удивительных, даже «диких» – с точки зрения его современников – сведений: о замерзающих морях и густых туманах, о том, что приливы и отливы связаны с луной, о том, что обитаемые земли простираются далеко на север, туда, где лежат снега и холодное зимнее солнце встает над горизонтом всего на два-три часа...

Пифею не поверили. Для просвещенного жителя античного Средиземноморья не было сомнений в том, что человек не может жить в сумрачной и нестерпимо холодной северной стране. Полибий и Страбон приводили в своих трудах сообщения Пифея лишь для того, чтобы высмеять их как вымысел, лишенный какого бы то ни было правдоподобия. «Лжец» – с этим клеймом Пифей вошел в историю античной науки. И смыто это клеймо было лишь спустя две тысячи лет. Когда описаниями Полибия и Страбона заинтересовались ученые нашего времени, оказалось, что как раз те факты из сообщений Пифея, которые казались древним географам наиболее неправдоподобными, и являются самыми достоверными! Они неоспоримо свидетельствуют о том, что отважный массалиот на самом деле побывал в далеких северных морях, достигнув «ульtima туле» – края земли...

«Оранг малайу» – морские кочевники

В 1970-х гг. девять индонезийцев с острова Дамар, расположенного в море Банда, совершили любопытное плавание к берегам Австралии. Собственно, Австралия не являлась их целью: на парусной лодке-прау они отправились за кокосовыми орехами на островок Нила, лежащий в 75 милях от Дамара. Когда мореходы уже возвращались домой, внезапно налетел жестокий шторм. Бурей сорвало парус, затем переломилась мачта. Оказавшаяся полностью во власти стихии, лодка начала дрейфовать по воле ветра и волн. Господствующий в это время года муссон неуклонно относил небольшое суденышко на юго-восток. Вскоре лодку вынесло в Арафурское море, где людям уже не приходилось ждать встреч с какими-либо островами. Потянулись томительные дни и ночи. К счастью, моряки не испытывали нужды в пище и питье: то и другое им давали кокосовые орехи. А спустя три недели на горизонте показались берега Австралии...

Не является ли этот трехсотмильный дрейф моделью событий глубокой древности?

Имеются доказательства, что путешественники с островов Индонезии посещали северные области Австралии в очень ранние времена. А другие многочисленные свидетельства подтверждают, что уже на рубеже эр между Юго-Восточной Азией и Китаем и Средиземноморьем существовали развитые торговые связи. Но моря, омывающие берега Малакки и Зондских островов, в те годы бороздили не только корабли купцов из Египта и Индии. Местные жители – малайцы – к тому времени уже пользовались репутацией отличных мореплавателей.

Название малайцев происходит от «оранг малайу» – «бродячие люди». Это удивительное племя «морских кочевников» распространилось на невероятно огромной территории. Народы малайско-полинезийской языковой группы сегодня расселены на самой большой в мире географической территории: от острова Пасхи и Гавайских островов на востоке до Мадагаскара на западе и от Тайваня на севере до Новой Зеландии на юге. Этим людям были не нужны «сухопутные мосты» и «затонувшие материки», изобретаемые кабинетными учеными, чтобы объяснить удивительный феномен трансокеанских миграций в древности. Используя Индокитайский полуостров как трамплин, они колонизовали Индонезию, Меланезию, Микронезию, Полинезию, Мадагаскар и Новую Зеландию. На заре мореплавания они выходили в открытое море, если видели на горизонте землю. Шли века, и «бродячие люди» стали предпринимать намеренные плавания для поиска новых земель. Большинство сделанных ими географических открытий произошли в историческое время, но не нашли отражения в письменной истории. Сегодняшние исследователи называют прошлое малайцев «черной дырой» в истории Юго-Восточной Азии.

Коренные жители острова Пасхи

На своих лодках-прау, обладавших хорошей мореходностью и использовавших большие паруса, сплетенные из волокон пандануса, малайские моряки отваживались уходить в море на огромные расстояния. Начиная по крайней мере с IV в. до н. э. малайцы являлись посредниками в морской торговле между Китаем и Индией. Уже около 300 г. до н. э. индийцы получали через малайцев шелк из Китая. Китайские суда и в это время, и позже, еще не плавали дальше Явы и Малакки.

Само название Китая в европейских языках – China происходит от малайского Cin (Cina, Thin, Thinae). Малайские мореплаватели первоначально называли так южнокитайское побережье. Они же познакомили с этим названием индийцев, от которых имя China перекочевало во все языки мира.

Ученые располагают массой этнографических и лингвистических фактов, свидетельствующих о том, что к 150 г. н. э. полуостров Малакка («Золотой Херсонес» греческих авторов), Зондские острова, Филиппины и побережье Южного Китая входили в сферу влияния малайцев. Например, у Клавдия Птолемея в описании Юго-Восточной Азии встречается множество явно малайских названий. Имеются сведения (увы, не очень надежные) о более поздних плаваниях малайцев к острову Святой Елены, расположенному в центре Атлантического океана. Но самым поразительным достижением древних малайских мореплавателей стала колонизация острова Мадагаскар, расположенного у побережья Восточной Африки.

Колонизация Мадагаскара малайцами по дальности плавания и масштабам иммиграции не имеет себе равных в мировой истории. До сих пор не удалось точно установить, когда это

произошло, и совершенно непонятно, что заставило этих морских кочевников уйти за тысячи миль от своей родины. Ответ на этот вопрос не найден до сих пор.

Расселение малайцев из Индокитая началось около 500 г. до н. э. Плаванию на запад благоприятствовали попутные муссоны. Малайские мореплаватели из Центральной Индонезии побывали на Маврикии, на Мальдивских островах. По всей вероятности, Мадагаскар был обнаружен ими в первые годы нашей эры, тогда же сюда прибыли первые малайские колонисты. В дальнейшем сюда пришло еще несколько волн переселенцев с Явы и Суматры. Так, арабская «Книга чудес» описывает рейс трехсот малайских судов к Мадагаскару, имевший место в 945 г.

Древние малайцы

Средневековые арабские историки и географы сохранили подробные рассказы об этом великом переселении. Все они сходятся в том, что мадагаскарские малайцы жили прежде в центре Юго-Восточной Азии, переселились оттуда на Зондские острова и значительно позже постепенно перебрались на Мадагаскар. Они принесли с собой традиционные зерновые культуры Юго-Восточной Азии, и сегодня, глядя на засеянные рисом мадагаскарские поля, можно подумать, что вы находитесь в Азии, а не в Африке.

Без сомнения, мореплаватели из Юго-Восточной Азии первыми увидели австралийские берега. Самыми ранними посетителями Австралии были жители восточных островов Индонезийского архипелага – рыбаки, приходившие к побережью Северной Австралии для ловли трепангов (индонезийцы называют их «дудонг»). Этот морской моллюск чрезвычайно популя-

рен в Китае, где он считается деликатесом, и торговля им была прибыльным делом. Трепангов, пойманных у берегов Австралии, высушивали и продавали китайским торговцам, которые переправляли товар в Кантон (Гуанчжоу).

Базой для флота малайских прау, ежегодно отправлявшегося на юг для лова трепангов, служила юго-западная часть острова Сулавеси (Целебес) с портом Макасар (Уджунгпанданг), который с очень давних времен являлся важным центром морской торговли. С попутным северо-западным муссоном моряки с Целебеса отправлялись на юго-восток, через море Банда, и возвращались с юго-восточными ветрами. Помимо трепангов, торговцы с Целебеса обменивались товарами с австралийскими аборигенами.

То, что ловцы трепангов появились у берегов Австралии в очень давние времена, свидетельствуют мифы и легенды австралийских аборигенов, живущих в Арнхемленде. Известно, что рыбаки из Макасара в XVI столетии посещали побережье Северной Австралии и Квинсленда. В начале XIX столетия английский мореплаватель Мэтью Флиндерс, исследуя австралийские прибрежные воды, сделал запись о посещениях ловцами трепангов с Целебеса северных областей Австралии, особенно залива Карпентария и северо-восточной части Арнхемленда. Вплоть до начала Второй мировой войны индонезийские рыбаки приходили к берегам Австралии ловить трепангов. Между тем австралийские аборигены решительно утверждают, что морякам с Целебеса предшествовали какие-то другие люди, которых они называют «байджини» (baijini). Что же это за загадочный народ?

Скорее всего, речь идет о коренных обитателях Целебеса – бугах. Этот народ, как и его соотечественники и близкие родственники макасары, по прямой линии происходит от древних жителей Юго-Восточной Азии, поселившихся здесь задолго до прихода монголоидов, и все еще сохраняет признаки той загадочной светлокожей расы, к которой принадлежали предки современных айнов и следы которой сегодня можно встретить на всем огромном пространстве Тихого океана, вплоть до Америки. В легендах Полинезии эти рыжеволосые и светлокожие люди называются «уру-кеу».

Рейсы светлокожих жителей Целебеса к Австралии, вероятно, начались в глубокой древности, задолго до появления на островах Индонезии монголоидных племен дейтеро-малайцев. Лодка-долбленка, найденная археологами в одной из пещер на Борнео, имеет возраст в несколько тысяч лет. Этот экспонат относится к самому началу освоения человеком южных морей. А следовательно, и Зеленого континента – ведь Австралия не такая уж маленькая цель, чтобы проплыть мимо нее...

Павлины в Вавилоне, или Древние индийские мореходы на Великой муссонной дороге

Многочисленные свидетельства о развитии индийского мореходства появляются уже в древних санскритских текстах. В «Ригведе» – древнейшем письменном источнике, созданном в XI – X вв. до н. э. и записанном позднее, в VII в. до н. э., – упоминаются стовесельные суда. Для того чтобы разместить по борту 50 гребцов, длина такого судна должна была составлять не менее 40–50 метров! Даже если считать, что наличие 50 гребных весел с каждого борта являлось поэтическим преувеличением, можно заключить, что создатели «Ригведы» были знакомы с длинными многovesельными судами.

О заморских плаваниях говорится и в эпической поэме «Махабхарата». В «Дхармасутре» для брахманов устанавливается суровый запрет на плавание в заморские страны. При этом автор (видимо, уроженец Южной Индии) указывает, что в северных районах такие плавания часты и не являются чем-то из ряда вон выходящим. Некоторые сведения о морских плаваниях древних индийцев приведены в «Пуранах» («Книгах древности») – канонических текстах индуизма, созданных, как и «Махабхарата», в последних столетиях до нашей эры.

В Древней Индии мореплавание развивалось, вероятнее всего, на основе традиций речного судоходства. Известно, что государство Косала еще в VI в. до н. э. утвердило свой контроль над Гангом, захватив порт Каши (Бенарес). В то время наиболее предприимчивые и отважные из купцов Каши плавали на своих судах с грузом хлопчатых тканей и других текстильных изделий, а также соли до устья Ганга и затем выходили в море, идя вдоль берега на юго-восток и юго-запад.

Примерно с VIII–VII вв. до н. э. индийские моряки стали активными участниками освоения морского пути, связывавшего древнейшие очаги цивилизации в Египте, Аравии, Месопотамии с азиатским Юго-Востоком – с Бирмой, Камбоджей, Вьетнамом, Суматрой и Явой, а затем и с Южным Китаем. Этот древний торговый путь советский историк Я.М. Свет назвал «великой южноазиатской муссонной дорогой». Главным связующим звеном этой цепи была Индия, родина отважных и предприимчивых мореплавателей, которые освоили колоссальные водные пространства Индийского океана и его западных и восточных морей.

В IV–III вв. до н. э. индийские купцы совершали плавания вдоль всего побережья Индокитая. Они проникли на Суматру и обследовали ее вплоть до южной оконечности. Затем они появились на острове Ява, ходили по Яванскому морю. Впоследствии индийцы открыли Камфарный остров (Калимантан), проследили его северное побережье на протяжении более 600 миль и достигли острова Лусон, крупнейшего в Филиппинском архипелаге. При археологических раскопках здесь обнаружены ножи, топоры, дротики, бусы из стекла и полудрагоценных камней явно индийского происхождения, датируемые концом I тысячелетия до н. э. Все это подтверждает, что торговые контакты между Северными Филиппинами и Южной Индией начались в глубокой древности.

Установлено, что в IV–III вв. до н. э. индийские купцы плавали к берегам Южной Аравии, а во II в. до н. э. совершали регулярные морские путешествия в Египет и Восточную Африку (в Эфиопию и Мозамбик). Я.М. Свет считает, что индийские кормчие за два, а может быть, и за три века до грека Гиппала (конец II или начало I в. до н. э.) научились использовать сезонные муссонные ветры при плавании в открытом море. Это позволило им проложить торговый путь из Индии в гавани Южной Аравии и в египетские порты на Красном море Миос-Хормос (Мышинная гавань) и Беренику напрямик через океан. Вероятно, уже в VIII–VII вв. до н. э. индийские суда заходили в порты Красного моря, а в VI–IV вв. до н. э., когда власти Персидской державы Ахемениды владели всем Ближним Востоком и Египтом, индийские купцы регулярно плавали в Вавилон. Именно об этих плаваниях рассказывается в буддийском

сказании «Вавилон джатака», где описано, как индийские купцы привезли в Вавилон (Баверу) павлинов. Очень вероятно, что индийцы плавали и вдоль сомалийского побережья на юг, к Софале и Мозамбику.

Во II в. до н. э. основными гаванями на северо-западном побережье Индии были Бахар-дипур (Барбарикон античных авторов), расположенный в устье Инда, и Бхарукачкха (Баругази, или Баругасы, в античных источниках) в Камбейском заливе. Через эти гавани осуществлялась торговля Индии с Аравией, греко-римским Египтом и – через последний – со всеми странами Средиземноморья. Плаванья на запад выполнялись обычно в декабре, когда устойчиво дул северо-восточный муссон. Из гаваней Южной Индии при следовании в Египет суда шли прямо на остров Сокотру – Диоскороду античных источников, Сукхаджарадвипу (Счастливы́й остров) в индийских рукописях. Переход из Южной Аравии к портам западного побережья Индии продолжался обычно 30–40 суток.

Античный автор, вероятнее всего греческий купец из Александрии, которого в исторической литературе называют Псевдо-Арриан (по имени древнегреческого историка II в. н. э. Арриана, которому ранее приписывали цитируемое далее сочинение), в I в. н. э. довольно красочно описал кипучую торговую деятельность в индийском порту Бхарукачкха: «В этот торговый пункт ввозится вино, особенно италийское, лаодикийское и арабское, затем медь, олово, свинец, кораллы, хризолиты, одежда простая и всякого рода поддельная, разноцветные пояса в локоть шириной, грубое стекло, сурьма, золотые и серебряные денарии, выгодно обмениваемые на местную монету, не очень ценное и не очень пахучее мирро. Для царя же в эти места ввозятся ценные серебряные сосуды, знающие музыку мальчики, красивые девушки в гарем, отборные вина, обычные ценные одежды и отличные мази. Из этих мест вывозятся нард, пряности, благовония, слоновая кость, изделия из оникса и муррина, всякие вещи из хлопка, материи шелковые и хлопчатобумажные, длинный перец и все то, что привозится из других торговых пунктов. Приезжающие на этот рынок купцы из Египта отплывают, чтобы попасть вовремя, около июля месяца». Об интенсивности торговых связей Индии с греко-римским миром в I–II вв. н. э. свидетельствуют многочисленные клады римских и египетских монет, обнаруженные на территории Южноазиатского субконтинента.

«Карийский капитан» Скилак

Как рассказывают древние авторы, некий Скилак из Карианды (Малая Азия) в 518–516 гг. до н. э. по приказанию персидского царя Дария I совершил плавание по Индийскому океану. Этот поход сегодня принято считать первой попыткой исследовать географические условия в западной части Индийского океана. Правда, судоходство в Индийском океане было развито еще задолго до Скилака. Однако народы Передней Азии до Дария, а европейские – даже до Александра Македонского имели весьма смутное представление об Индии и Индийском океане. Последний в древности называли Красным морем, а современное Красное море именовалось Аравийским заливом. Гекатею Милетскому, великому географу и современнику Дария, река Инд была известна как последняя река на востоке.

Захватив часть Египта, Дарий возымел намерение завоевать Северо-Западную Индию. Чтобы полнее использовать могущество персидского флота, ему нужны были точные сведения о южных морях. Поэтому Дарий поручил проведение экспедиции опытному моряку из карийцев, которые издавна славились как искусные мореходы. Выбор пал на Скилака, «карийского капитана». Скилак прекрасно выполнил поставленную перед ним задачу, и Дарий, видимо, высоко оценил и богато наградил его. Об этом рассказывает Геродот. Если его сведения верны, то данные, добытые Скилаком, в значительной мере обусловили успех индийского похода Дария. В то же время оригинал отчета Скилака, предназначавшийся для Дария, вряд ли был известен Геродоту, ибо в противном случае последний сообщил бы больше подробностей и не допустил бы слишком грубых ошибок.

По предположениям историков, это путешествие состоялось, видимо, между 516 и 512 гг., а по некоторым данным – между 519 и 516 гг. до н. э. Достоверность факта плавания Скилака – этой грандиозной для того времени экспедиции неопровержимо доказана памятниками, найденными у Суэцкого канала. В надписях на этих памятниках, воздвигнутых, возможно, еще при Дарии, к сожалению, имеются пробелы, но в них подтверждается, что через Нил и современное Красное море можно попасть на судах в «море, которое идет из Персии». В главной части текстов речь говорится об удачном плавании из канала Нила «в Персию», то есть в Персидский залив. Отсюда можно предположить, что Дарий послал две морские экспедиции: одну из Инда к Персидскому заливу и другую туда же из Суэцкого залива.

Задачей Скилака было обследовать течение Инда, а также побережье от устья этой реки до Персидского залива или Красного моря. Скилак, видимо, отнесся к своей задаче добросовестно. Он не только собрал много ценных сведений о самой Индии, что потребовало длительного пребывания в этой стране, но и все путешествие в целом заняло много времени. Это тоже указывает на тщательность проведенных исследований. Плавание торговых судов от Инда к Красному морю продолжались обычно, когда они следовали вдоль берега, менее года, а позднее, когда научились использовать муссоны, время сократилось примерно в три раза. Между тем Скилак находился в плавании два с половиной года, хотя возможно, что в этот отрезок времени входит его продолжительное пребывание в Индии и Персии.

Пунктом отправления Скилака в плавание Геродот считает город Каспатир (Гекатей, который, очевидно, еще мог пользоваться оригиналом отчета Скилака, называет этот город Каспапиром). Местоположение этого города точно не установлено. Прежде его отождествляли с Кабулом, так как у этого города приток Инда Кабул (Кофен) поворачивает на восток. Однако Кабул находится на 1917 метрах над уровнем моря и сильное падение реки выше Джелалабада исключает возможность судоходства. Лишь на Гандахарской равнине у Пешавара Кабул становится судоходным, сохраняя свое направление на восток. Поэтому весьма вероятно, что плавание началось именно в этом месте, самом удобном с точки зрения географии путей сообщения. Во всяком случае, плавание Скилака могло начаться лишь вблизи места впадения Кабула

в Инд. Оттуда «карийский капитан» отправился по неизведанному потоку к морю, а затем и далее. Трудно сказать, знали ли Скилак о том, что идет по пути, проложенному и освоенному за много столетий до него? Ведь судоходство между Индией и Южной Аравией было развито уже с середины II тысячелетия до н. э. В шумерских надписях последнего периода государства Ур якобы упоминается уже Саба под названием «Сабу». Однако обо всем этом персам времен Дария и грекам эпохи Александра Македонского, по-видимому, ничего не было известно.

Неарх идет на запад

Подробности походов Александра Македонского сравнительно хорошо освещены его современниками и позднейшими авторами. Менее известна другая сторона завоеваний этого великого полководца. Еще А. Гумбольдт отмечал, что начиная с 330 г. до н. э. Александр намеренно поставил свои походы на службу географическим открытиям и для этой цели содержал при себе большой штат ученых – естествоиспытателей, землемеров, историков, философов и художников. Безусловно, в то время они не могли в полной мере развеять мрак неизвестности, окутавший границы Ойкумены, и не в состоянии были собрать воедино и подытожить все сделанное ими и до них. Однако благодаря им античная географическая наука все же существенно продвинулась вперед.

В Пенджабе Александру рассказали о сказочных землях на Востоке. Ему говорили, что по ту сторону степи, в 12 днях пути, на берегах огромной реки стоят города и живут люди, ему рассказывали об огромном острове на юге. «Значит, это еще не край света? Но где же он тогда? Если правильны выводы моих географов, что океан омывает весь населенный нами мир, то, наверное, можно достигнуть края света на кораблях, переплыв океан?» Вероятно, так мог размышлять Александр Македонский.

Реконструкция древнегреческого корабля

У стен Вавилона Александр построил огромный флот. По словам Арриана, царь долго не мог найти подходящей кандидатуры на должность начальника флота: «Александр вспоминал то одного, то другого и отказывался от них, так как они не желают подвергаться такой опасности, от других, так как они не обладают достаточной смелостью, от третьих, так как они как будто охвачены тоской по родной земле. В одних он находил одни, в других другие недостатки. Тогда Неарх, предложив свои услуги, сказал: “О царь! Я принимаю на себя начальство над этим флотом, и да поможет мне бог в этом деле...” Восхищенный Александр обнял Неарха и назначил его командовать всем флотом».

В 325 г. до н. э. Александр, пришедший во главе своей армии к Инду, дал Неарху следующее поручение: «Открой морской путь от этой реки к Евфрату. Я пойду назад по суше, а ты плыви по морю. У тебя будет 150 кораблей и около 5 тысяч человек. Плыви на запад, а когда кончится провизия, причаливай к берегу и ищи встречи с моей армией, которая пойдет берегом. Армия будет добывать снабжение для флота».

Неарх отплыл в сентябре. Его экспедиция растянулась почти на шесть месяцев. Когда он проходил Крокалу (Карачи), муссон начал менять свое направление, и ему пришлось 24 дня дожидаться попутного ветра. Через 5 дней после возобновления плавания разыгралась буря, во время которой 3 корабля погибли. Вопреки обещанию Александра, армия помогла флоту только один раз. Большую часть пропитания Неарху приходилось добывать грабежом прибрежных городов. Но даже после удачных набегов продуктов не хватало для такой массы людей, и они почти все время голодали.

Однажды греки причалили к острову, который теперь называется Асталу. В то время существовала легенда, что на этом острове живут сирены и что ни один странник, ступивший на него, не возвращался назад. Неарх высадился на этот остров, но его ждало разочарование: никаких сирен там не было.

Наконец пустынные берега кончились. Флот обошел мыс Джаск и приблизился к нынешней провинции Кирман. Здесь была плодородная почва, и грекам удалось достать зерна и свежих овощей. Около Ормуза экспедиция расположилась на отдых. Через некоторое время Неарх двинулся дальше, отряжая во все стороны разведывательные экспедиции. Капитан Бахиас открыл Бахрейнские острова, назвав их Тилос. Андросфен доплыл до Абу-Даби (современная столица ОАЭ) и сообщил о торговле жемчугом на Аравийском побережье. Гиерон обогнул по морю Аравию, но вынужден был преждевременно вернуться, поскольку моряки пришли в ужас от увиденных ими бескрайних пустынь, подступающих к морю. Еще одна экспедиция достигла района современного Южного Йемена, но также вернулась раньше срока из-за того, что людям не хватило продовольствия и главное – воды; песчаные берега были безжизненны.

Таким образом, во время своего плавания от устья Инда корабли Неарха исследовали почти все побережье Персидского залива. Очевидно, это была только первая географическая экспедиция, за которой должны были последовать многие другие. Ранняя смерть Александра помешала осуществлению этих планов.

Плавание Евдокса

«Некто Евдокс во времена наших дедов бежал от египетского царя Сатира и добрался до Аравийского залива через море до Гадеса».

Римский писатель Помпоний Мела уместил всю захватывающую историю о путешествиях Евдокса в две строчки. Его соотечественник, географ и историк Страбон, был более словоохотлив. Правда, Страбон страдал необъективностью в описании дел своих предшественников, обвиняя всех (кроме себя) в недостоверности, лжи, выдумках и тому подобных грехах. Не поверил он и рассказу о плавании Евдокса. Но тем не менее он привел его целиком – со ссылкой на рассказ другого ученого Античности, Посидония, известного своей сдержанностью и взвешенностью в оценках.

Евдокс был родом из малоазийского города Кизика. Он появился в Египте около 116–115 гг. до н. э., в годы царствования царя Птолемея Эвергета. Египтяне отметили, что пришлый грек, вероятно, опытный моряк или, во всяком случае, «не без сведений в этом предмете». Спустя некоторое время к царскому двору был доставлен некий загадочный человек, которого стража полумертвым подобрала на берегу Красного моря. Царь распорядился обучить пришельца греческому языку и, когда тот уже смог связно разговаривать, с интересом выслушал его историю. Человек оказался индийцем; по его словам, он и его товарищи плыли на корабле из Индии, однако заблудились в море. Припасы на борту закончились. Все его спутники умерли от голода, и лишь его судьба пощадила, выбросив на египетский берег вместе с полуразвалившимся кораблем. В благодарность за свое спасение индеец брался показать слугам царя дорогу в богатую Индию...

Предложение выглядело заманчивым, и царь поручил это опасное предприятие Евдоксу. К удивлению всех, грек блестяще справился с заданием. Он вернулся из Индии с грузом благовоний и драгоценных камней, а также с завораживающими рассказами о богатстве далеких земель и том, как индусы добывают самоцветы: одни из них приносятся реками вместе с обычной галькой, а другие выкапывают из земли, так как они «затвердели из жидкого состояния подобно нашим кристаллам». Однако надежды Евдокса на заслуженную награду не оправдались, потому что царь Эвергет отнял у него все товары.

После смерти Птолемея Эвергета власть наследовала его супруга Клеопатра. Она вновь отправила Евдокса в Индию. При возвращении корабль отнесло ветрами в некую «страну, находящуюся выше Эфиопии» (речь идет о побережье Восточной Африки). Евдокс – как, по-видимому, и его спутники – впервые оказался в этих водах. Идя вдоль берега на юг, он бросал якорь в разных местах и везде старался завязать дружеские отношения с местными жителями. Моряки оделяли туземцев хлебом, вином, сушеным инжиром, а взамен получали пресную воду и проводников. С помощью последних Евдокс даже составил небольшой список слов местного наречия.

Однажды, высадившись на берег, моряки сделали совершенно неожиданную находку: деревянный обломок носа какого-то погибшего корабля с вырезанным на нем изображением коня. Откуда взялся этот странный предмет? Ведь никто из местных жителей не строит подобных кораблей и не плавает на них! Расспрашивая туземцев, Евдокс узнал, что однажды возле этих берегов потерпело крушение большое судно с незнакомыми людьми. Но более всего грека поразило то, что, по словам аборигенов, это судно пришло... с запада!

Неужели «Ливию» (Африку) можно обойти с запада? Эта мысль не давала Евдоксу покоя вплоть до возвращения к родным берегам. В Египте его встретили, как и в прошлый раз, неприязненно: обобрав путешественника до нитки, царские слуги отправили его восвояси. Евдокс, прихватив с собой найденный на далеком африканском берегу обломок корабельного носа, отправился в гавань. Здесь, переходя от лавки к лавке и от таверны к таверне и расспраши-

вая купцов и моряков, он наконец смог установить принадлежность находки: опытные люди опознали в ней фрагмент гадитанского корабля. Только жители Гадеса украшают свои суда подобными деревянными конями. Богатые гадитанские купцы снаряжают большие корабли, бедные же посылают маленькие суда, которые так и называются – «конями», по изображению на носах кораблей. На таких «конях» гадитанцы ходят на рыбную ловлю у берегов Западной Африки вплоть до реки Ликс.

Гадес (ныне Кадис) – древняя финикийская колония на юго-западном, атлантическом побережье Испании, основанная в незапамятные времена. Как, каким образом моряки из Гадеса могли оказаться на восточном берегу Африки? Одним-единственным путем: обогнув континент с запада. Ведь рассказывали же туземцы, что загадочный корабль пришел с запада...

Собрав пожитки, Евдокс сел на первое же попутное судно и отправился на запад Средиземноморья. Его путь лежал через Дикеархию и Массалию в Гадес. Добравшись до желанной цели, он рассказал гадитанским купцам о своей находке, из которой следовал неоспоримый вывод: Африку можно обогнуть по морю! А если от побережья Эфиопии взять курс на восток, то можно дойти и до сказочно богатой Индии, куда он, Евдокс, дважды самолично водил корабли египетского царя... Трудно избавиться от ощущения, что именно из этих рассказов много лет спустя родилась уверенность в том, что Индию можно попасть, обогнув Африканский континент. Во всяком случае, в эпоху Великих географических открытий португальские моряки будут упорно стремиться сделать именно это!

Но этих событий придется ждать еще полторы тысячи лет. А пока Евдокс, получивший полную поддержку гадитанцев, снаряжает большой корабль, готовясь пройти морским путем вдоль побережья «Ливии». Вместе с ним в море должны были выйти и две большие лодки, «похожие на пиратские». Экспедиция затевалась многолюдная: помимо экипажей кораблей, в ее состав входили разного рода ремесленники, врачи и даже музыканты. Возможно, речь даже шла о предстоящей колонизации новооткрытых земель. Несомненно, что конечной целью экспедиции должна была стать Индия – рассказывая об отплытии, Посидоний неожиданно обмолвился: по его словам, Евдокс «поплыл в открытое Индийское море, сопровождаемый попутным ветром». Но из Гадеса при всем желании нельзя сразу попасть в «Индийское море» – только в Атлантический океан или, на худой конец, в море Средиземное. Так что «Индийское море», по-видимому, являлось лишь отдаленной целью Евдокса...

Корабль и лодки шли вдоль побережья «Ливии» до тех пор, пока экипажи и пассажиры не выбились из сил. Все чувствовали себя крайне утомленными, и Евдокс распорядился причалить к берегу, чтобы люди после долгого плавания смогли наконец отдохнуть и почувствовать твердую землю под ногами. Однако при подходе к берегу корабль сел на мель. Впрочем, катастрофы не произошло, берег был близко, и морякам удалось сперва перегрузить с него все запасы и товары, а затем и разобрать корпус на бревна и доски. Из них путешественники построили другое судно – «почти равное по силе пятидесятивесельному кораблю» (корабли подобного рода использовались карфагенянами для дальних плаваний). На этом судне Евдокс и его спутники снова вышли в море.

После долгих дней плавания Евдокс встретил где-то на побережье «Ливии» людей, говоривших на знакомом ему наречии: словарик именно этого языка он наскоро составил во время своего давнего путешествия к берегам Восточной Африки! Как оказалось, «живущие здесь люди принадлежат к одному племени с эфиопами».

Далее Посидоний (рассказ которого приводит Страбон) произносит совсем удивительную фразу: «Окончивши путь в Индию, он возвратился домой». Неужели от берегов «страны эфиопов» Евдокс прямехонько отправился в Индию? И достиг ее? И благополучно вернулся домой, на Пиренейский полуостров? И сделал это за 1700 лет до Васко да Гамы?

Не верится. Но как тогда можно толковать слова Посидония? То, что «страна эфиопов» – не Индия, Евдокс прекрасно знал. Следовательно, не здесь окончился его путь. И не отсюда он возвращался домой...

«На обратном пути он увидел остров, пустынный, хорошо снабженный водой, покрытый деревьями, и заметил его положение» (речь идет о Мадагаскаре?). Благополучно достигнув северо-западного побережья Африки, Евдокс продал свои корабли и отправился ко двору местного царька Бага. Он предложил африканцам предпринять морскую экспедицию, однако придворные отговорили царя от этой затеи. Тогда Евдокс бежал в римские владения, а оттуда вновь перебрался в Иберию. Здесь он построил два больших корабля, взял на борт земледельческие орудия, семена и плотников и опять вышел в море, по уже знакомому маршруту. В случае задержки в пути он намеревался высадиться на открытом им острове (Мадагаскаре?), посеять семена, собрать урожай, а на следующий год отплыть отсюда к берегам Индии...

Греческий географ и историк Страбон

«До этого момента известна мне история Евдокса, – заключает Посидоний, – что случилось с ним после, то, вероятно, знают жители Гадеса и Иберии». О человеке, который «проделал путь из Испании в Эфиопию», действительно упоминает ряд античных авторов. «Не следует отвергать теоретическую возможность того, что после экспедиции фараона Нехо еще одно средиземноморское судно дошло до мыса Доброй Надежды и обогнуло Африку, – считает Р. Хенниг. – Однако никаких достоверных доказательств того, что нечто подобное действительно было, совершенно не сохранилось».

Путешествие в страну Агасимба

Вскоре после 100 г. н. э. римлянин Юлий Матерн, которого историки отождествляют с наместником Нумидии, известным по другим источникам, предпринял смелую экспедицию в Юго-Западную Сахару. В результате похода, продолжавшегося четыре с половиной месяца, римляне прошли через всю область пустынь и добрались до страны под названием Агисимба – вытянутой в длину, гористой и кишашей дикими зверями...

Вопрос о местоположении Агисимбы до сих пор остается предметом споров. Свидетельство Птолемея (II в.) о том, что там во множестве обитали носороги, указывает на область, богатую реками и водоемами; по его же словам, жителями Агасимбы были «эфиопы», то есть чернокожие. Много столетий спустя французский ученый Вивьен де Сен-Мартен пытался отождествить Агисимбу с сахарским оазисом Асбен, но там едва ли могли водиться носороги. Страна, изобилующая водой и населенная неграми, должна была находиться лишь к югу от великой пустыни. Некоторые исследователи даже отождествляли ее с Зимбабве!

Скорее всего, Агасимбу следует искать на богатых водой низменностях вокруг озера Чад. Таким образом, наместник Нумидии Юлий Матерн и его люди совершили одно из величайших достижений в истории географических открытий: ведь в следующий раз европейцы сумели добраться до озера Чад только в 1823 г.! Впрочем, бесспорных доказательств пребывания римлян на берегах Чада нет, хотя сообщение Птолемея об этом походе большинство ученых признает «вероятным». В любом случае «страну Агисимба» следует считать самым южным пунктом, которого достигли путешественники Античности.

«И Туле не будет пределом земли...»

«Лжец» Пифей доставил жителям Средиземноморья невероятно ценные, но настолько непривычные сведения о странах Северной Европы, что им отказались верить. Вплоть до 84 г. н. э. вопрос о том, является ли «открытая» Юлием Цезарем Британия островом, оставался предметом дискуссий. Впрочем, многие географы того времени (Плиний, Помпоний Мела), твердо знали, что Британия – это остров, но и располагали сведениями об островах и землях, лежащих далеко к северу, – Оркнейских и Шетландских островах, о загадочной «ульtima туле» (Норвегия, или, что менее вероятно, Исландия). Однако окончательно все точки над «i» расставила морская экспедиция Юлия Агриколы, римского наместника в Британии.

Статуя Агриколы

Это путешествие было связано с военно-морской операцией, проведенной Агриколой во время войны с каледонцами. Одержав ряд побед на суше, Агрикола, стремившийся завершить

покорение страны, захотел выяснить, как далеко она простирается на север и насколько заслуживают доверия сведения о северных морях, полученные в свое время от Пифея (над которыми тогда смеялся весь научный мир). Римский флот отправился вдоль побережья Шотландии на север. Мореходам удалось обогнуть Британию с севера и окончательно установить островной характер этой земли. На севере, в туманной дымке, вырисовывались очертания других островов, которые моряки приняли за легендарную землю Туле (в реальности это были Оркнейские острова), однако экспедиция была предпринята в неудобное для плавания время года, так что римский флот не отважился приблизиться к далекой суше. Агрикола лишь ограничился кратким сообщением о том, что Туле «была усмотрена издали, но приказ был ехать лишь до этих мест, да и зима приближалась». Кроме того, по сообщению римского наместника, море на севере Шотландии «малоподвижно и тяжело для гребцов; оно даже и ветрами не поднимается значительно...».

Плавание римского флота вокруг Британии в 84 г. стало лишь частичным повторением подвига Пифея, хотя подготовлено оно было со значительно большим размахом. И хотя многого добиться не удалось, достижения Агриколы все же заслуживают признания. Это, видимо, была первая после Пифея попытка проникнуть в области, лежащие к северу от Британии; с 84 г. островная природа Британии уже никогда больше не оспаривалась.

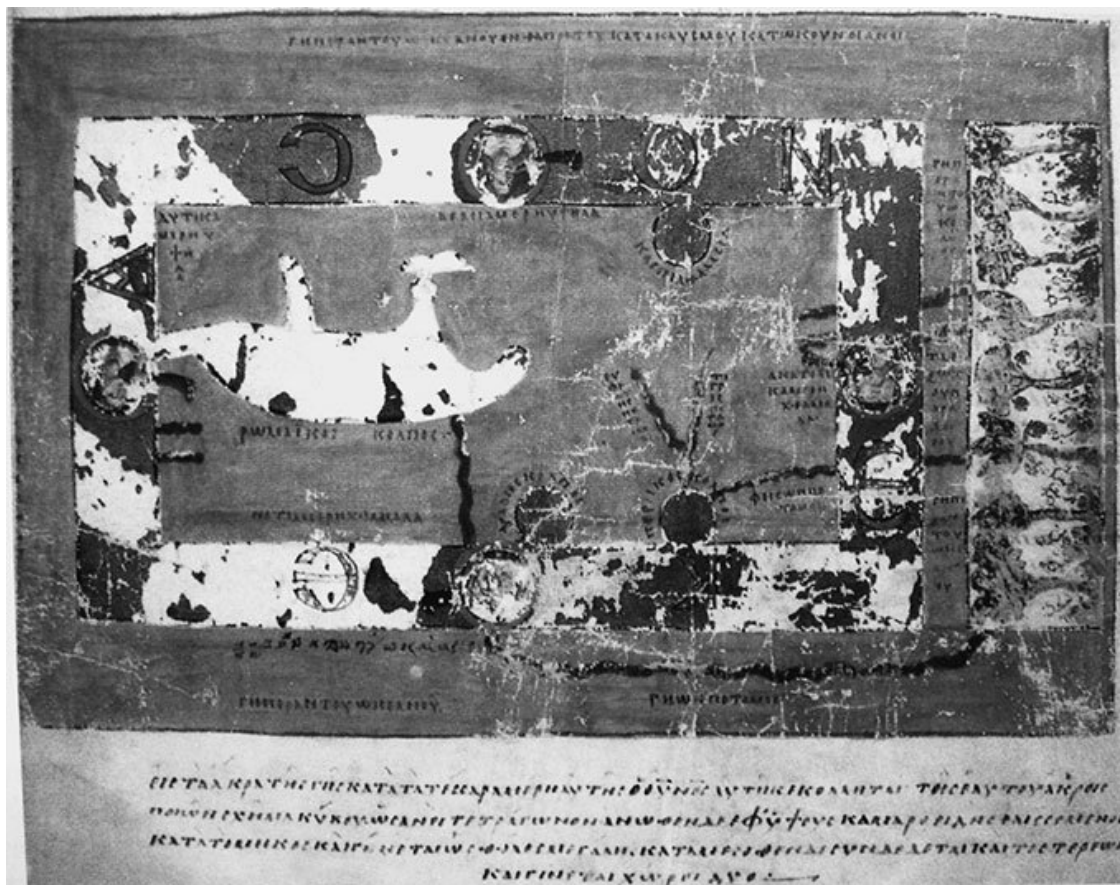
Открытие Эллады

Имя древнегреческого путешественника и географа Павсания вернулось из долгого забвения в 1516 г., когда в Венеции был издан его фундаментальный труд «Описание Эллады», во многом не утративший своей актуальности вплоть до сегодняшнего дня. О личности его автора мы сегодня знаем преимущественно только из того, что он сам мимоходом сообщает о себе на страницах своего объемистого сочинения. Павсаний родился около 115 г. н. э. в Лидии (Малая Азия). Он много путешествовал, побывал во всех главнейших областях материковой Греции: Аттике, Лаконии, Мессении, Элиде, Ахайе, Аркадии, Беотии и Фокиде; по всей видимости, совершал он и более далекие путешествия, побывал в Риме и Палестине. Великие памятники античной Греции к тому времени уже большей частью находились в упадке, Павсаний видел и описал их уже на закате великой культуры. Он побывал в Микенах и запечатлел на страницах своей книги величественные руины этого древнего города. Циклопические стены Тиринфа – города, считавшегося родиной Геракла, – восхищенный Павсаний сравнил с египетскими пирамидами. Он оставил подробное описание афинского Акрополя: «Весь Акрополь – отвесная скала, и обнесен он крепкой стеной. Пропилеи имеют крышу из белого мрамора, и по красоте и размерам камня до сих пор нет ничего лучшего...» О знаменитом театре в Эпидавре Павсаний отзывается как о примере несравненной гармонии и красоты.

На страницах своей книги Павсаний описывает лишь то, что видел своими глазами и слышал от местных жителей, а если добавляет что-то от себя, то указывает на это. Именно в этой бесхитростности и беспристрастности заключается главная ценность его труда, который сегодня принято называть «путеводителем по Древней Греции». Ценнейшие исторические сведения, приводимые Павсанием, нередко заменяют собой утраченные первоисточники. Знаменитый археолог Генрих Шлиман, открывший царские гробницы в Микенах руководствовался указаниями Павсания. Он писал: «Я нисколько не сомневаюсь, что мне удалось найти те самые гробницы, о которых Павсаний пишет, что в них похоронены Атрей, царь эллинов Агамемнон, его возница Эвримедон, Кассандра и их спутники». Книга Павсания представляет особую ценность и для историков искусства, поскольку путешественник привел в ней точное и подробное описание многих шедевров скульптуры, архитектуры, живописи, включая утраченные.

По поверхности плоской земли

Уроженец Александрии Козьма Индикоплов завоевал в эпоху раннего Средневековья широкую известность благодаря своей книге «Христианская топография» (ок. 547 г.). В ней он, пытаясь привлечь на свою сторону авторитет Библии и начисто отвергая все достижения географов и путешественников прошлого, утверждал, что земля плоская, что она стоит на четырех столбах, а центром ее является Иерусалим и что она, как крышей, покрыта небесами, которые, в свою очередь, рассечены надвое небесным сводом, отделяющим старую землю от новой... Парадоксально, однако, что наряду со всеми этими глупостями (которых, к слову сказать, в Библии нет) в книге Козьмы Индикоплова содержится масса чрезвычайно важных географических, культурно– и естественно-исторических сведений, которые придают этому сочинению огромную ценность. Несомненно, что все эти сведения получены как в результате личных наблюдений Козьмы Индикоплова, так и из рассказов очевидцев. Все это, а также прозвище Козьмы – Индикоплов, то есть «плававший в Индию», – указывает на то, что перед нами не просто собрание досужих вымыслов, а записки человека, лично побывавшего во многих дальних странах.

Картина мира по Козьме Индикоплову

О самом Козьме известно мало. Он происходил, как считается, из семьи александрийских купцов, в первой половине VI в. совершил далекие морские плавания по странам Индийского океана, а на склоне лет постригся в монахи и остаток жизни, видимо, провел в одном из монастырей на Синайском полуострове. Во время своих путешествий (их дата устанавливается на основе книги Козьмы – между 520 и 530 гг.) он побывал в Индии, на Цейлоне, в Абиссинии

и даже, возможно, достиг истоков Нила (маршруты его путешествий не совсем ясны). Особое место, которое занял Козьма среди путешественников своей эпохи, объясняется не только тем, что человек из раннехристианского мира сумел побывать в «стране чудес» – Индии; в ту эпоху это было хотя и редким, но не единичным явлением. Любопытно другое: именно Козьма Индикоплов одним из первых упоминает о загадочной *terra ultra Oceanum* – «земле за океаном». Это туманное сообщение оставалось нерасшифрованным вплоть до эпохи Колумба. Одни видели в нем намек на то, что за Атлантическим океаном лежат неведомые земли, другие считали их доказательством того, что Атлантический океан простирается на западе вплоть до берегов Китая и Индии. Последнее все же очень сомнительно: Козьме Индикоплову, при его нелепом представлении о «плоской земле», и в голову не могло прийти, что, следуя на Запад, можно добраться до Азии...

Путешественники из поднебесной

Кенгуру при дворе китайского императора

«Фан» – «парус». Иероглиф с этим значением появился в Китае около 1000 г. до н. э. Первые китайские паруса очень напоминали плетенные из тростника циновки. А тип классической китайской джонки – с плоским дном и почти вертикальными носом и кормой – окончательно сформировался лишь к началу нашей эры.

Дошедшие до наших дней свидетельства ранних китайских морских плаваний отрывочны (или малоизвестны). Известно, что уже в 221 г. до н. э. жители города Цюаньчжоу (провинция Фуцзянь) вели оживленную морскую торговлю. Из далеких стран, лежащих к югу и юго-западу от Китая, они получали носорожьи рога, слоновую кость и драгоценные камни. Вполне возможно, что китайские купцы сами ходили за этими товарами к побережью Вьетнама или Малакки: как свидетельствуют археологические раскопки, в 221–207 гг. до н. э. на древних верфях в Чжуншаньсилу близ Гуаньчжоу строились суда грузоподъемностью 25–30 тонн.

Древние китайские судостроители использовали железные гвозди, составы для конопачения, бамбуковые доски. В I в. до н. э. они изобрели руль. Спустя еще 100 лет китайцы стали строить многомачтовые корабли. Между V и VIII столетиями китайцы изобрели суда с гребными колесами, приводимыми в действие рабами. К XII в. они уже строили огромные военные корабли, насчитывающие до 23 гребных колес на каждом судне. 15-метровый руль одного из таких кораблей недавно был обнаружен археологами на побережье Южного Китая. Теперь он хранится в Пекинском музее.

В VII–VIII вв. китайские торговые суда из Цюаньчжоу регулярно посещали порт Софалу на восточноафриканском побережье, минуя арабских посредников. В 863 г. китайский географ Дуан Чэньши описал торговлю рабами и производство слоновой кости и серой амбры в стране Бобали – считают, что речь идет о Сомали. Начиная с IX столетия китайские источники начинают сообщать надежные и достаточно подробные сведения об Африке.

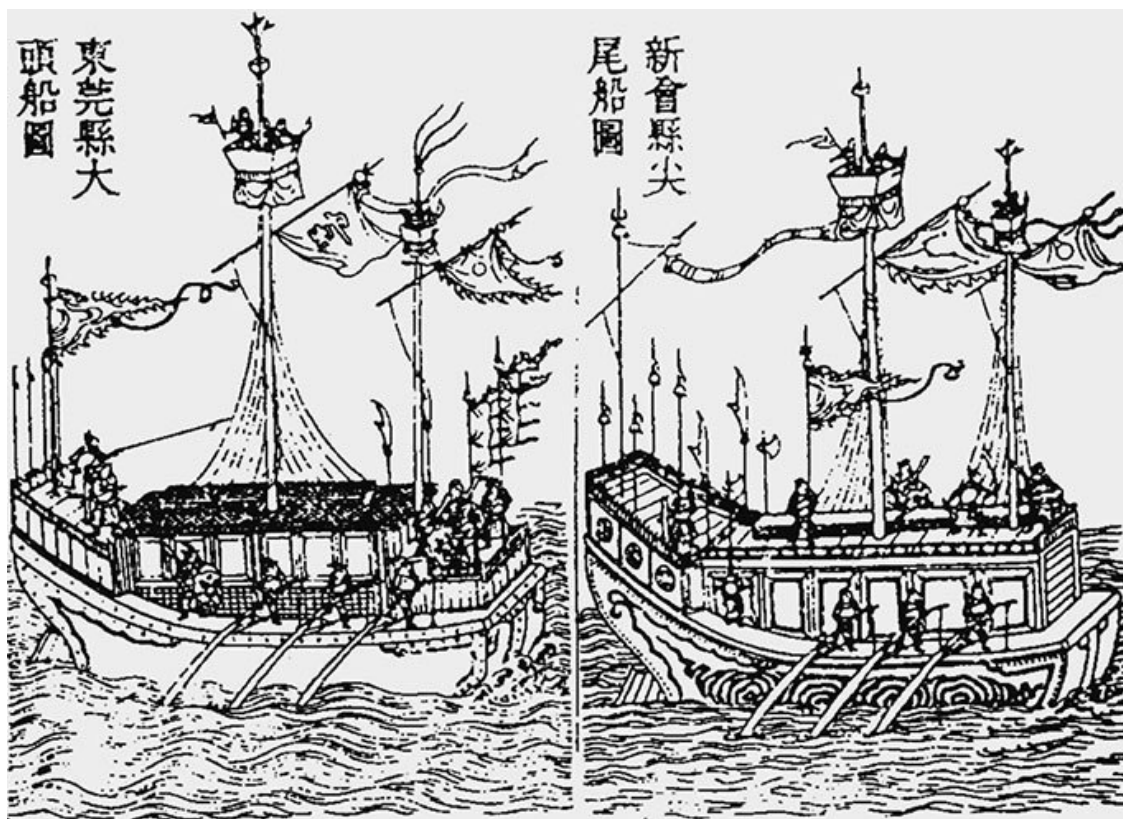
Китайские императоры целенаправленно отправляли в море целые экспедиции, имеющие своей целью «высматривать неведомые страны». Во время одного из таких плаваний (605 г.) экспедиция военного советника Чу Гуаня открыла некое «царство Люцю» – возможно, речь идет об островах Рюкю или Тайване, а может быть, и о Филиппинах. Экспедиция была в целом неудачной: после нескольких вооруженных столкновений с аборигенами «всякие связи со страной Люцю прекратились».

Бурное развитие китайского мореплавания начинается на эпоху династии Сун (960–1279 гг.). Многочисленные археологические свидетельства, прежде всего находки фарфора и следов кораблекрушений, указывают на присутствие китайских мореходов во всей Юго-Восточной Азии. С конца X в. китайцы завязали тесные сношения с жителями острова Борнео, проникли на Малые Зондские острова, установили прочные контакты с Явой, Суматрой, Цейлоном и Индией, встретились с арабскими купцами («да-ши»). В XI–XII вв. укрепленные китайские торговые фактории были основаны на Филиппинах. Китайские морские торговые маршруты достигали на севере – Кореи и Японии, на юге – Австралии. В 1178 г. таможенный чиновник из Цюаньчжоу Чжоу Цюфэй описал далекие острова на западе (Мадагаскар?), жители которых – «черные, как лак», со вьющимися волосами – были захвачены и проданы в рабство арабским купцам.

Арабский Восток был одним из главных направлений китайской морской торговли. Фустат (Старый Каир) на протяжении 500 лет, начиная с эпохи династии Тан, являлся главным потребителем китайского фарфора. Большие количества фарфора обнаружены в Омане

– порты на побережье Аравии играли важную роль в торговле с Китаем. Помимо фарфора на арабском рынке были весьма желанны китайские шелк, хлопчатобумажные ткани, лаковые изделия, медные деньги, красители и бумага.

В начале XIII столетия флот Сунов владел морями от побережья Камбоджи до Японии и Кореи. Общее количество одних только военных судов достигало 600. Арабский путешественник Ибн-Баттута, побывавший в 1340-х гг. в Китае, видел колоссальные корабли, которые строились на верфях Зайтуна (Цюаньчжоу) специально для дальних плаваний в океане. «Каждый из них, – пишет Ибн-Баттута, – имеет на борту 1000 человек: 600 моряков и 400 солдат, и сопровождают его три посыльных судна».

Китайская флотилия на старом рисунке

Компас («югоуказующая игла») появился у китайцев в III в. до н. э., однако лишь с IX в. его стали использовать в мореходстве. Тем не менее еще в начале нашей эры китайские мореплаватели совершали регулярные рейсы на юг, к Зондским островам, – это доказано археологическими находками. Есть все основания полагать, что средневековым китайским мореходам были известны многие острова Тихого океана, лежащие на юге и юго-востоке. Еще в III в. н. э. китайская хроника «Вэйши» сообщала что острова Тихого океана тянутся на 5000 миль и что кораблю нужен год, чтобы достичь самых отдаленных из них. В некоторых китайских текстах можно встретить описания заморских животных, напоминающих... кенгуру! Самое раннее подобное свидетельство встречается в хронике Ши Цзу (338 г. до н. э.), где речь идет о кенгуру (?), привезенных для императорского зверинца. Подобные сообщения появлялись и в нескольких более поздних источниках. А в одной из китайских книг, написанной до 338 г. до н. э., как считают, описаны австралийские аборигены и использование ими бумеранга.

Плавание к острову Бессмертных

Памятник Сю Фу в Вэйхае, Китай

Древние китайцы верили в существование «Великого острова Бессмертных», расположенного где-то в Восточном море. По преданию, на этом острове росла трава, дающая бессмертие. Император Цинь Шихуанди отправил некоего Сю Фу в далекую морскую экспедицию на поиски чудесного эликсира бессмертия. Для Сю Фу собрали большой флот из джонок и плотов и в сопровождение предоставили около 3000 девственных и «с хорошим характером» юношей и девушек, а также рабочих и воинов. Суда нагроулили большим количеством денег, продовольствия и различных материалов, взяты были также домашний скот, зерно и семена растений. В 219 г. Сю Фу и его спутники вышли из гавани на южном берегу Шаньдунского полуострова в Восточный (то есть Тихий) океан и взяли курс на восток. Экспедиция достигла какого-то острова, где обнаружила несколько больших озер. В 210 г. до н. э. Сю Фу вернулся в

Китай с просьбой выделить ему в помощь искусных стрелков и изготовить специальные луки для охоты на тюленей. Император удовлетворил просьбу, и Сю Фу вновь отбыл за море. Позже появилась легенда, что он благополучно добрался до Японии и стал первым японским императором. Действительно, из островов Тихого океана к берегам Китая на востоке ближе всего расположены Японские острова, причем на самом ближнем из них, Хонсю, обнаружена китайская керамика времен династии Цинь. Скорее всего, Сю Фу имел точную информацию о положении Хонсю. Древнекитайские моряки открыли и, видимо, много раз посещали не только этот остров, но другие острова Японии. Иначе трудно объяснить, почему экспедиция Сю Фу была столь многочисленной.

Странствия Сыма Цяня

Великому китайскому историку Сыма Цяню (145 или 135 – ок. 86 до н. э.), автору «Ши цзи» («Исторических записок») – первой истории Китая с древнейших времен, – в Китае даже посвящен храм. Все поколения средневековых китайских историков считали себя последователями Сыма Цяня, а стиль и манера изложения великого историка стали для них каноном.

Сыма Цянь рано стал обучаться книжной премудрости. Однако, усердно занимаясь науками, Сыма Цянь вовсе не стал сухим книгоедом. Ему хотелось самому поглядеть на места, где происходили события, о которых он читал, посмотреть на мир, познакомиться с нравами и обычаями разных районов империи, поговорить с людьми. 20-летним юношей Сыма Цянь отправился странствовать. Сначала путешественник поехал на восток от столицы, затем повернул на юг и, переправившись через Янцзы, пришел в земли бывшего княжества Чу (нынешние провинции Хунань и Хубэй). Перед юношей предстала гора Девяти Сомнений (провинция Хунань), где, по преданию, был похоронен добродетельный император Шунь. Девять вершин этой горы были так похожи друг на друга, что их постоянно путали. Отсюда и произошло ее название.

После долгого пути по реке Янцзы молодой путешественник совершил восхождения на знаменитые горы Китая. Одна из них, Гуйцзи (провинция Чжэцзян), была связана с именем легендарного императора Великого Юйя. Здесь он умер, удалившись в пещеру. Сыма Цянь осмотрел ее. Поднявшись еще на одну знаменитую гору – Гусу (провинция Цзянсу), Сыма Цянь увидел на горизонте множество озер, соединенных протоками и сливавшихся в сплошную серебристую равнину. На этой равнине высились укрепления и дворцы, воздвигнутые правителями княжества Чу. Сыма Цяня поразила величественность этих памятников.

Переправившись на северный берег Янцзы, путешественник оказался в уезде Хуайинь, на родине Хань Синя, знаменитого полководца. Сыма Цянь беседовал со стариками, знавшими подробности жизни этого выдающегося человека. Отправившись отсюда на север, Сыма Цянь прибыл в столицу княжества Лу (провинция Шаньдун) – родины Конфуция. Сыма Цянь приехал сюда для того, чтобы как можно лучше и полнее ознакомиться с конфуцианством, влияние которого на китайскую культуру было очень велико. Поэтому он много дней уделил усердным занятиям в столицах княжеств Лу и Ци.

Сыма Цянь

Отсюда путешественник двинулся на юг. В провинции Цзянсу еще были живы старики, помнившие молодого Лю Бана – основателя династии Хань. Бахвал и гуляка, он неоднократно пускался в сомнительные проделки. Когда в 209 г. до н. э. вспыхнуло восстание против династии Цинь, Лю Бан примкнул к народному движению. Местные жители избрали его своим начальником и поставили во главе повстанческой армии. Так началась карьера первого ханьского императора. Сыма Цянь долго беседовал с местными стариками, выясняя подробности восстания, и посетил семьи сподвижников Лю Бана.

Город Далян (ныне Кайфэн) был последним важным пунктом на пути следования Сыма Цяня. Он приехал домой, обогащенный огромными материалами по истории, литературе, философии, географии и хозяйственной жизни Китая.

Тридцатилетняя одиссея Бань Чао

В 73 г. главнокомандующий китайской армией отправил одного из своих офицеров по имени Бань Чао с посольством в западные княжества, чтобы восстановить с ними связи и убедить их признать над собой власть Китая. Во главе отряда из 36 человек Бань Чао сперва отправился в княжество Шэньшэнь (около озера Лобнор) и повел переговоры с тамошним князем. Вначале эти переговоры были безрезультатны, потому что сюда же, как оказалось, приехал посланец хана кочевников-сюнну и со своей стороны тоже вел переговоры с князем. Бань Чао устранил препятствие, действуя весьма решительно: он убил ханского посланца, перерезал его свиту и, устранив князя Шэньшэни решительностью своих действий, заставил его стать вассалом Китая.

Затем Бань Чао направился дальше на запад. Посещая одно княжество за другим и действуя различными методами, он везде с неизменным успехом добивался признания власти китайского императора. Таким образом он добрался до Кашгара.

Путешествие Бань Чао продолжалось 3 года. За это время при китайском дворе взяла верх группировка, которая считала, что продвижение Китая на запад связано с очень большими, не оправдывавшими себя расходами. Бань Чао был отозван в Китай. Однако он сумел убедить императора не отказываться от политики продвижения на запад. Бань Чао пообещал, что добьется успеха на западе без затраты средств и без посылки армий. План его заключался в том, чтобы подчинять еще непокоренные государства воинскими силами княжеств, уже покорившихся Китаю. Бань Чао заявил, что если в его распоряжение дадут несколько сот опытных солдат и офицеров, то он сумеет сформировать на западе достаточно сильную армию, которая поможет осуществить его планы.

Император дал свое согласие, и Бань Чао в продолжение 17 лет с неизменным успехом осуществлял покорение запада. В 97 г. он перевалил через горы Тяньшань и с 70-тысячной армией подошел к берегам Каспийского моря. Отсюда Бань Чао отправил одного из своих подчиненных по имени Гань Ин на запад, чтобы найти путь в богатое и сильное государство Дацинь (Римская империя).

Бань Чао в камне. Кашгар, Китай

Гань Ин сперва добрался до государства Аньси (Парфия). Отсюда он проехал в страну Тяочжи (Месопотамия), но парфяне, вместо того чтобы объяснить ему, что река Евфрат является восточной границей Римской империи, направили его к Персидскому заливу, через который тогда лежал обычный путь купеческих судов, торговавших с Римом. Когда Гань Ин добрался до берегов «Великого моря» (Персидский залив), корабельщики устроили его рас-

сказами о трудностях морского пути. В итоге Гань Ин отказался от поездки в Римскую империю. По-видимому, парфяне нарочно умолчали о существовании сухопутной дороги и до предела сгустили краски, рассказывая об ужасах морского пути, – они боялись установления непосредственной связи между Китаем и Римом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.